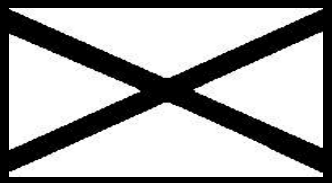
Они уйдут и восхитительный закатный город будет твой, ты будешь беречь его, ты будешь жить в нем вечно а земные боги снова начнут править снами людей сидя на своих привычных местах, или же, путь открыт, звезды ждут тебя, а шантак визжит и стонет от нетерпения лети же, сверяя путь по Веге, поднимайся сквозь ночь, но успей повернуть к Земле, когда услышишь пение, не забудь о том, о чем я тебя предупреждал, а то невообразимые и ужасные существа всосут тебя в потоки воющего и улюлюкающего безумия
вспомни чужих богов Ниоткуда, они великие, они бездумные они ужасные…
они рыщут в пустотах внешнего мира, этих богов сторониться
хай!а я-шанта, най!

Говард Ф. Лавкрафт «Зов Кадафа Неведомого»



Silver AnXell

Сторонись безымянного, ибо он умрет, оставив тебе пустые стены горького одиночества…
Впустую прожитые годы

Imperium - 2002

Маше…

На редкость бессердечное
надкушенное яблоко
луны
сияющей
глупой, кажущей себе
выставляющей напоказ
свое бесстыдство
святой
в неведении своём
кто-то обнимет тебя
тёплыми
еще не высохшей росой
на пальцах
руками
кто-то поцелует
откусив от тебя на память
еще один
кусочек,
так же в неведении
он подавиться потом
памятью
он умрет
пораженный от зависти
когда ты
снова станешь полной…
люди,
возненавидев его вначале
потом отмахнуться
восприняв как чудака,
как сумасшедшего
а он,
ослепленный своей печалью
будет бродить
по дремучему лесу
ваших
грез
держа возле сердца
прижимая
все крепче и крепче
к груди
лунный камень,
Это случиться,
когда ты снова станешь полной,
Это произойдет
когда он полностью
Уйдет
Внутрь себя

Никого не впуская
не выпуская
станет лунатиком
будет зависеть от тебя
во сне
Ты украдёшь его сон,
Он станет
единственным
твоим желанием…

Тебе было мало
когда он уходил весной
или когда возвращался, смеясь
под осень…

когда он был осенью
разбрызгивающей во все стороны
опалую листву…

тебе было мало того
что его почти не существует:
одно только пустячное расстояние
вызвало налет отчуждения…

он не голубь,
просто смысл улетающего в жаркие страны
песня подстреленной птицы
которого было так мало…

вернуться и понять
осмыслить и взлететь и не торопясь
разглядывать циферблат
светящихся облаков

время, которое разбилось на несколько сот осколков
и каждый существует сам по себе
каждый пытается доказать что он, самый особенный осколок

если между ними и существует связь
то царапины и ушибы
будни в которых не бывает раскаяния
и совсем не горячо

радость приобретает сиюминутную окраску

любовь приобретает сиюминутную окраску

вы – словно забор из разных оттенков дощечек
мешаете взгляду упасть на ту сторону
это – избыток
бездарно –
это…

вы привыкли спать внутри, а себе
иногда открывать форточку, чтобы выпустить спёртый воздух
вы привыкли ронять звезды словно слова
не утруждая себя мыслью, куда упадут
не растают ли в кастрюле, в колодце, в ванной комнате

в конце концов когда-то у меня не останется слов для вас
потому что вы скованы заклятьем
смыслом сеять что-то

когда-то будучи очень маленькими
я следил за вами исподтишка
пытаясь остаться незамеченным
когда вы проснётесь
на волнах собственной памяти…

когда-то я чуть было не утонул в ярко-красной реке
представим себе, что это – слухи
представим себе, что вы уже выздоровели
или наоборот – превратились в утопленницу грёз
подумайте о том, что вы утонули давным-давно
но это – не главное…

пытаясь спасти вам жизнь
соорудив плот из стихов и сказок
я утопал в вашем бесстыдстве и бессилии
останавливался, но только тогда, когда чувствовал
что что-то неведомое тянет меня за собой
сразу же пытался выбрался
начинал вращаться, словно белка в колесе:
орал!
в то же время какая-то очередная хищница
подплывала сзади «Куси его! Куси»
а время уже помниться, клонилось к вечеру
а вы как и прежде роняли звёзды словно слова,
в переполненный колодец…
вода шипела,
вода бурила, высказывая свое недовольство
убегала из него
обжигая, мирно пасущихся на лугу гусей

получался бульон из гусей и звёзд
где звёзд слишком острая приправа
люди в ужасе отпрянули от колодца

«Знамение! Знамение!»

тебе было мало их ужаса
невпопад произнесённых слов

спряталась в чужую улитку разогнав всех
пришпорив коня на бешенной скорости удалилась в лес
чёрный, пепельный лес буковок и крючков
где вокруг книги, книги

ощущая себе безграмотным
обессиливая себе неуменьем читать между строк
происходящие события
выстрадав их, выстрадав!

Дрожим и слова
сверкают как молнии
во время дождя

сверкают, когда ты зарываешься во мне
словно в огромном чёрном одеяле

наверное я слишком тёплый
и ты продрогла
чтобы думать ещё над чем-то
чтобы о чём-то вспомнить…

мы будем дрожать на чердаке до утра
бояться рассеянных звуков, покашливая время от времени
пытаясь вспомнить, зачем мы здесь
и так же беззаботно забывать об этом
или, ты станешь наслаждаться жуткой тишиной
а я – подвывать непогоде
притаившейся за тоненькой стеной
нашего отчаяния…

я не верю твоим глазам, уважая их пустоту
в которую можно упасть и разбиться
упасть и искалечиться
с девятого этажа
с крыши твоих глаз
под пристальным взором прохожих
и твоим осуждающим взглядом…

это твой мир, слышишь?
и меня в нём не существует
меня в нём не должно быть…

и поэтому я отвожу взгляд
я как слепой брожу по чердаку, в поисках тебя впотьмах
а потом, отталкиваясь, убегаю…
это у вас называется игрой в жмурки,
мы делаем вид, что мы маленькие дети
разбегаемся, словно опасаясь
и вправду – боясь чего-то

ты – моя первопричина
первопричина моего страха
неуютно склоненной на бок головы,
я отворачиваюсь от тебя
я видеть и слышать не желаю слов…
дрожим…

вместо нас, говорит кто-то другой
потому что друзья нас слышат едва-едва

и боятся себе в этом признаться

и ни у кого из нас не бывает
телефонных друзей

они – у других
у будки телефонной выстраиваются
в длинной, бранящейся очереди

в дождь,
в снег,
в полнолуние
в полвторого ночи…

когда тебе надо почтить кого-то
минутой молчания
и вдруг прозвенит
телефонный звонок

животные проходят по тропинке заснеженной, мимо
их неуютные шаги, их постылые тени, падающие время от времени
отблеск утреннего пожара, когда мы проснёмся
находя вокруг себя следы на снегу
находя лица искусанными и исцарапанными
обсыпанными ночью, обезображенные страхом
это совсем не наши лица – скорее маска
за которой скрывается испуг, и мы скрываемся за ширмой
в испуге,
мы вываляемся словно в вате, в тёплом до боли снегу

устанем пить его,
устанем думать
ощутим его животные – это мы
что мир – лишь ночь
а дня не существует, ни в какой реальности
вычеркнули его, вычеркнули из записной книжки:
не дозвониться
не вспомнить номер телефонный
не вздохнуть с облегчением, в ощущение
что ошибся номером
что кто-то, разговаривает с тобой не своим голосом

а ты дышишь в трубку
и со стороны это забавно

призывая тебя быть рядом, я еще не успокоился
и борюсь в клетке
они – ужасны
прутья стальные тесной, обжигают
когда пытаешься спрятаться от людей
а друзья говорят: постой, куда же ты,
мы это выдумали… мы….

давайте же насладимся вместе необъятной тишиной
давай оборвём все существующие и прочие условности
телефонных нитей …

они не нужны нам, потому что
по телефону
вместо нас говорит кто-то другой

когда ты пытаешься
кричать
или улетаешь
намереваясь уходить
в совершенно другую сторону …
животные проходят по заснеженной тропинке не таясь
не спеша .. сон .. сон…

Рытвины заполненные снегом
наполовину утопленные деревья
из проволоки
деревья
из ржавчины …
деревья, посмотри мне в глаза
Это почти пустырь, на котором нет места
для тебя
Это почти нелюбовь к тебе…

в поиске таинственного освещения
я устало
разглядываю кукол
в полудрёме
на подоконнике
упал
и разбился
словно ваза
из фарфора
словно копилка
из которой посыпалась разная мелочь…
А детишки
Набивали себе ею
карманы
Хвастались
И убегали

Еще долго был слышен
В перезвоне иллюзий
Их смех

Ни капельки на мой не похожий…

Он объелся электричеством красок
электричеством огней
убился
на электрическом стуле
Он умер
из-за нелепой любви
к электричеству
из-за тоски
по шаровой молнии
Электрический дурень!

Существо, осложняющее себе мир
Странными поисками вне истории
Не - религии, не – времени, не – смыла
и не – дождя
просто «не» чего бы там ни было
его глаза полыхающими жаром
в океане не
вне любви и привязанности
вне этого океана, аморфное и всесильное
бунт океанских волн…

оно дышит нашими взглядами на жизнь
пытаясь осмыслить и подогнать
под единую черту
взять всё что лежит за чертой
превратить в себя
заставить двигать конечностями
в ритме надменных и смешных, величавых брачными танцами
того что последует
и вне его…

кустиками бесплодной пустыни
змеями жалящими и убивающим солнцем
предельным холодом убаюкивающим
кошмарной ночью
всё это поиски
бесконечные творческие муки
любви и созидания страждущего
иных нелёгких чувств…

где когда-то кому-нибудь взбредёт на ум
построить темницу
и нас всех туда упрятать…

правда со словом анти
получается небольшое осложнение
в слове анти-соль
в слове анти-боль, потому что радость длящаяся бесконечно по
восходящей, словно трамплин, где после долгого полёта, не вполне удачное
приземление, и вот, исчезая в неизвестной растительности существо бродит
по антисимметрическому лесу анти-колдовскому чувствуя что начинает
ходить кругами, которые сжимаются вокруг горла …
каждое новое кольцо затянуто потуже,
каждый кирпичик –
и вот уже готово здание
и вот уже, решётки на окнах
и слегка приспущены стены
чтобы заранее не испугать случайных прохожих

твоя темница, твоя

раздающие шаги, до боли на что-то похожие
попробуй угадай в них кого-то
в позвякивании мелодичном ключей
во взгляде мятежном
из-под задвинутого на лицо серого балахона
в изучающем, жалящем, язвящем
ничего не прощающем, ни о чём никого не просящем
взгляд пустоты внутрь тебя
неторопливая речь тишины
она то не в меру резкая, то вкрадчивая и таинственная
то неуютная
выводящая тебя и тебе подобных
на одну из резких прогулок…

это существо – твой Тюремщик
один из ёё псов
ревностный служака ёё Сиятельство Тишины
Их Высочества Пустых Слов, стенок сосуда из которого
не так давно извлечен
и когда по частям запихивали обратно
хмельным вином в пузатые бочки
именуемые ожиданием
именуемые … проходящий поезд опаздывает на два часа
а уехать надо раньше…

именуемые … предъявите ваши документы
которых не бывает у аморфного существа

вы видите? Просто амёба, большая и глупая
по сравнению с человечеством
которое проводит на мне свои исследования
с интересом заглядывая в окуляр микроскопа…

какие могут быть документы у подопытной личности?

ещё,
номер табельный на лбу
родины и барака в котором родился
отпечатки родных и близких
и кто наотмашь бил по лицу
и кто хоть как-то
пытался отвести удар…
те, кого давно уже нет…

всё уместилось во мне
нет, я не просто амёба
я – антиамёба
потомок антицивилизации
потребность в которой назревает в внутри
человека…

существо, осложняющее себе жизнь тем
что порой внедряет в неё
ложные воспоминания
ложные чувства
любви и привязанности

ощущения глупой сытости

себя, словно подслеповатого щенка
носом натыкающего на
разные болезненные запахи и препятствия
неприятный, резкий запах духов
хозяйки…

мир где тебя пинают перенося за шиворот
из угла в угол
пока ты - маленький

когда вырастишь
все тут же отстанут от тебя

потому что ты – бездомный пёс
и легче ударить, чем приласкать
хотя, порой говорят, что причинят боль
очень тяжело
но в тоже время, как приятно, отыграться на слабом
предчувствуя его страх
ликуя где-то в нутрии

что есть ваша прелюдия любви
вскрытое скальпелем сердце и вены
кровь, которой все питаются
тюрьма-больница где подчинят
заштопают
и выбросят…

существо съёжившееся до одной единственной клеточки
размножаются делением
имя которого – недоверие
имя которого – оставьте меня в покое

и нет ни какого человечества
покуда вокруг парящие бороздящие океанские просторы
ползающие одноклеточные
он – их бог, тот первый, и пока единственный
который согласиться стать анти-амёбом
потому что это очень просто – доверять
потому что всё простое требует упрощения

а сложное захлёбывается в потоках информации
напоминая ваньку-встаньку…
напоминая ключ от комнаты
в которой много-много зеркал
и все они, ловушка для тебя
дверь в иные миры из которых пока никто не возвращался

Не-дождь,
Не град, рубина величиной с куриной яйцо, падающих и разбивающихся
превращающихся в рубиновый песок, разносящийся ветром по городу
и от рубиновой пыли, нечем дышать
люди проклинают свои несметные сокровища
люди становятся врагами
этих сокровищ
но когда-то,
когда всё закончится
пыль понемногу уляжется
на осколках рубинов построят новые города
кто-то выпустить в обращение юбилейные монеты
на которых будут сиять наши, самовлюблённые приторные рожи
которые словно наелись зубной пастой в вперемешку с шоколадом
и каждый будет лапать своими сальными ладонями,
осыпая градом эпитетов
которые – я, а ты – неприемлем…

Улялюм… решеточки
Протяни свои пальцы
сквозь них,
ты почувствуешь жар,
попытаешься
улыбнуться
словно вчера
вечером…

Словно и не мертва
но запах разложения
изнутри
наводит
на глупые мысли

Я наверно сошёл с ума
потому что люблю тебя
даже сейчас,
мёртвой
Потому что мёртвых
всегда любят
больше,
И поглаживая машинально
твои
белоснежные косточки
я предаюсь
бредовому
самосозерцанию
разлагаюсь
и обожаю себя
в этом разложении

Потому что я
тоже умер
едва прочёл
неуловимую весть
о смерти
в твоих
глазах,

И вот,
они уже пусты
твои
глазницы…

А я,
находящийся рядом,
улыбаюсь
потому что
в данной ситуации
вспоминать о чём
слишком глупо
Я люблю
твои останки,

Я сам
такие же
останки
и эта ночь
ничего для нас
не изменит
Но я люблю эту ночь
ещё больше
Потому что прозрел
когда тебя
не осталось

Потому что
не плакал:

Состояние
полумёртвой
эйфории

Улялюм,
Тебе,
как каждой женщине
непонятно мгновение
когда отрешенность,
страх,
безнадежность
уступают место
слепой вере
хотя,
в данном случае
это не имеет
никакого
значения
Одна любовь
настолько вечная
и непоколебимая
что она отторгает
людей
от себя,
отпугивает…

И они мечутся
в поисках
заменителя
В этом заменителе

Вы невежественном
заблуждение
кто-то находит
крупицу
называя её –
счастьем…
Но без любви
счастья не бывает,
И тогда
приходит
смерть,

А после смерти
любовь
и забвение…
Слышишь, Улялюм…
мы спелись вместе
в одиноком
склепе
на задворках
цивилизации
Став единым существом,
криком,
прахом
Из которого прорастёт
дерево легенд

Улялюм!

Он взял что-то рыжее,
да невпопад,
что-то звонкое, да захлебнулся
пчелиным роем
боли,
а пчёлы,
которые меняли мёд
на боль,
сладкое –
не слёзы
не пытались
вытянуть из него
жала
и падали
мёртвые –
это была
их плата
за злорадство…
Он взял
что-то похожее
на солнышко
и назвал его
совсем другим именем
ведь в мире
великое множество
бесхозных имён
которые путаются
под ногами
и пытаются оставаться
вместо прошлогодних
листьев
но, прогоняемые дворниками,
машинами,
ливнями
и продавцами
воздуха
они ищут
себе замену
они ищут того
кто бы смог
их поднять,
узреть…
и дать солнышку
иное имя…
и мир
тоже
будет иным…
И для нас
место найдется
в этом мире…
А существа,
очень похожие
на собак
но совсем
не собаки
будут носиться
с радостным
но не лаем
по площади…
в это время
старые
названия,
будут исчезать
с лица
обновлённой планеты
старые надписи
придут в негодность
обветшают
омываемые
обильными
поминальными слезами
осенними
и детишки,
в школу пришедшие
часом позже
станут позже
изумительные буквы
нового
алфавита
И, тогда
наши стихи
перейдут
в ненужное состояние…
Подумай об этом
Над этим…
И тогда
у нашей премудрости,
приобретающей угрожающую
окраску
появиться
какой-то зловещей
загробный смысл…
И тогда мы уйдём,
через несколько лет
или
через тысячелетия
будет уже невозможно

прочесть надписи,
на наших
могильных крестах…
И тогда,
в несколько мгновений
всё изменится…
Мы очнёмся
от рабства слов,
Мы станем
свободными
и забвенными
А они –
лёгкими как пёрышко,
Только тогда,
когда мир
навсегда исчезнет,
из под наших ног
в свободном
падении
мы научимся
понимать друг друга
полностью
ощущая ненужность
пространства
и времени
бессмысленность того
что нас тяготило
и связывало
безнадёжность долго…
Я отрекаюсь от эволюции
имён
и вывесок
юбок,
и зеркальными отражений
выбитых
зубов
и того,
что за всем этим
последует
Я отказываюсь понимать то
что все равно
перед Богом,
хотя бы потому
что Бог
нам не ровня,
следовательно
мы перед ним
не равны…
иначе первое –
абсурдно,
а второе –
не имеет
смысла
Я живу надеждой
в том
что мёртвые –
останутся мёртвыми
а живые –
будут жить
потому что это
порядок
вещей
который не изменить…
Меня не оставляет
мысль
о том
что умных людей
слишком мало,
в большинстве своём
мирно сосуществуют
мудрые идиоты
и я наверное
один из них
имеющий мужество
взглянуть правде
в лицо,
но так как
верхом
совершенства
принято считать
золотую
середину
мы вынуждены
играть
свою роль
до конца…
и я её ненавижу…
Потому что она
вынуждает меня
быть ультра…
Я ненавижу
это ультра
Но выбора нет.
Мне нравится
считать себя
бесчеловечным,
когда вы
слишком показаны

и неестественны
в своей
добродетели
порождая добро
злом,
порождая Иуду
в себе
порождая
в каждом из нас
Христа…
Я не хочу
быть Христом,
Не заставляйте меня
мучаться…
Не….

Последний город чёрных, пушистых котов
Оплот песен
и протяжно
крадущихся звуков
отдан
на съедение…
потомкам
надменных
завоевателей
которые вздрагивают
при виде
царапин
на коже…
затоплен… затоплен…
Все что осталось
это застывшие вопли
под сводами
посеревшего от горя
камня
и спокойное журчание
подземной реки

Всё это память
от которой коты
во сне выпускают когти…
в шипении дикой кошки
слышен страх
Когда-то
я проходил мимо
Пытался разговаривать
с вами
С трудом
подбирая
выражения
Но как найти
общий язык,
Если я для вас
навеки останусь
одним из тех
кто уничтожил
ваш город

И остатки
славного в былом
народа
Разбежались по миру
Собираемые
скорыми на расправу
живодёрами…

Последний город
умер
и вместе с ним
уничтожено
ваше доверие
ко мне…

Хотя ты вправе
спать вечно
Но оглянись,
словно весна – не весна
Словно тающие
поднебесные сосульки
испускают
чужеродный сок
Словно ты
плачешь
небесами
и тонешь одновременно
в реках
бурных
ты – дерево
уставившееся ввысь…
Не просто найти Иного,
Кажется это человек?
Кажется – друг?
Кажется вы вместе
созданы
для того
чтобы

расширять
небесное полотно,
парить
словно две бабочки
над землёй
Но иногда ты видишь меня, сквозь искривлённую призму
Собственного эгоизма…
Иногда ты пытаешься что-то сказать
Но эти слова, или их обрывки
изредка доносящиеся
проникающие в древо
моего сознания
чужие
и они, очень похожи на браво
они словно раскалывают
бег времени
надвое
когда не знаешь даже
в какую сторону смотреть
Эти параллельные миры,
Эти иные реальности
омываемые
дождями
неосвещаемые
солнышком
воспринимаются мною как
оптический обман,
как надругательство
над святыней
как посягательство
на смысл всего сущего
и меня,
где-то рядышком
в осколках
собственного я
я, израненного

странно, что я до сих пор не решил
какой именно осколок
принадлежит тебе

какой осколок меня,
какая частица того что тобою
так безжалостно разрушено

Я ощущаю,
что ты враг
моей Вселенной
Этакий
мародёр
который нашалившись
не найдя ничего стоящего
для себя
вытоптал
все цветы
изорвал в лоскутки
города и посёлки
ушёл
хлопнув дверью
в сердцах…
посчитав разрушение
делом сердца
и ума
ты убираешься прочь
в иные Вселенные
чтобы продолжать
гибельное
дело
змей искуситель – уже не внутри
он прочно уселся на шее
что-то вроде незатейливого зелёного, пушистого шарфика
и только излишне доверчивые могут не замечать то
что ты сама цветёшь пагубным зелёным цветом

Коровай
снежных подсолнухов
Руки
ушастых
бокальчиков…
Разговоры…
Слышишь их биение?
Стекло
о стекло…
Стекающие по стенкам
остатки
жидкости,
Это безразличие
Осадок
пивбара…
Ты несчастна
в этом
пивном склепе,
Который
став
твоим миром
Закапывается
всё глубже и глубже
в землю!

Наши имена
очень скоро
забудут,
Не исключено
что кто-то
Будет биться
головой
о асфальт
Не находя
себе места
от того
что нас
нет рядом
А может быть
то что мы ушли
благо?

Постарайся сразу понять,
что до тебя революций никто не делал
что поэты и художники, старые и покойные
несмотря на геройский нимб, которым ты их венчаешь
не принесут тебе пользы, ничему тебя не научат
Наслаждайся своим первым наивными и упрямыми опытами
застенчивый динамитчик, хозяин вольных ночей
но помни, что ты тут – только затем, чтобы быть невидимым
чтобы опрокидывать и убивать…

Пьер Паоло Пазолини «Теорема»

Где мои жёлтые,
убивающие всё на свете
опрокидывающие
безвкусицей
и границей,
цветы…
где запах
этих цветов,
которые бредут по городу
за тобой
ведут несмело
за руку
по просёлочным
дорогам
исполненным пылью
и благоуханием,
в твои
шестнадцать,
исполненные жаждой
странствия
только позови…
или ты превратишься
для них
в озеро
полной мутной
свежей
и сладкой
на вкус
твоих губ
воды…
тревожный ручеёк
новых дорог
и догадок…
что за этим неподдающимся осмыслению
горизонтом?

что за ним если ты спешишь
то можешь ухватить его тоненькую ниточку,
попытаться смотать в клубочек…
этим закончиться странствие, и ты станешь мастером,
не приспособленным для жизни в том, другом
несотворённом тобой мире…

где моя жёлтая, золотая ночь
благословенного напитка?

и чтобы удержаться на ногах, надо облокотиться
на земную ось
перевернуть мир грехов и пороков,
стать лжепророком Лжедмитрием, солью Земли

что из того, что ты забыт не вовремя?
что из того, что никто не попытался
поделиться с тобой теплом и лаской?

представь себе, что её и так слишком мало
и постоянно холодно…

умри необласканным
будь достоин своего признания…

вспомни, ласка всегда лжива,
а время упрямо стремится
тебе в попутчики

становится пыткой

и памятью
о Будущем:
взгляни этому будущему
в глаза:
груды костей
твоих соплеменников,
только они
будут по настоящему
тебя помнить,
Надписи
начертанье на груди
каменных сюртуков
нерешительной рукой…
Ты – художник, умей посмотреть правде в лицо…
если всё продаётся и покупается
то бабские расказни
их гадание
на грязном белье,
ничего
для тебя не значат…

Вопреки мне…
Вопреки нам,
Вопреки всему сущему

попытайся быть убитым,
похлёстанным
по щекам,
попытайся
быть
Творцом
Будь достоин своих поступков!
Уничтожь храм любви
и жриц его,
внутри сожги
и вытри лицо
пеплом
Пусть каждый видит,
слышит
и дрожит
словно осиновый лист
на ветру,
при твоём явлении…

Шрамы
на нижних страницах
не заживают
нет,
они кровоточат,
они заставляют любить тебя,
выдуманную
женщину,
каждом
кто прикоснётся
к этой книге,
каждому,
кто умеет читать
ещё что-то
кроме надписей
на плакатах
и на этикетках
от пивных бутылок
каждый из тех,
кто полюбит тебя
чужой любовью
и будет жить
с крупицей
этой любви
в своём
черством сердце
каждый из тех
у кого внутри
в душе
любовь
пустила свои корни
и душа
превратилась
в цветок,
знайте:
если я встречу вас, когда-то
на улице,
если вы
не сбавляя шаг
пройдёте мимо
вы ощутите моё
тёплоё дыхание
на своей щеке
так же
как и я,
вы почувствуете собственные
скупые слёзы,
а потом,
мы не спеша разминёмся, улетим
в разные
переулки
по разным городам
этих переулков, в блестящей мостовой

наших слёз …

собственная память
хранит воспоминания о любимых книгах
очень долго ...

В чужих глазах
люди видят
Утраченную когда-то
юность…
Это как пытка –
Я знаю…
Об этом ли ты подумал
впервые
Идущий убивать
эти глаза,
Идущий ослеплять
прежде
себя самого
А потом уже
всех остальных
О состоянии
блаженной темноты:
Когда не видишь ничего
Кроме как
внутри себя
И это –
твой дом
Твой единственный
оплот…
Не отвлекайся..терорист …
Помнишь
цветы,
Подаренные
тобой
первой своей
девушке,
любимой…
Вспомни,
Что она сделала потом
с этими
цветами,
Вспомни
что они сделали с тобой…
Когда-то
ты заново
прочитаешь её лик,
Рука задрожит
на спусковом крючке
Вспомни,
когда-то
весь мир казался вам
цветущим садом…
убей его!
Взгляни в пустые глазницы своего отражения
в зеркале,
Пойми, теперь весь мир
твоё
перепуганное
отражение…
отражение
отвращения к себе,
отражение смерти…

Рассыпались пещаные домики сна,
Голуби разлетелись
во время этого ненадолго,
Вовремя…
И ты, мой милый друг
Украдкой спрятал
личину добродетели
сапогом её
пнул
зарыл
в лесу…
Но предварительно,
Сначала раздел
потом связал
и усадил
на муравейник
Где утром найдут
обглоданный скелет
расплывшейся улыбки…
Липов цвет,
А ночью
муравьишкам
будет работа
И не улыбнёшься
больше никогда
ведь некогда…
некогда…
вызывая
слащавые образы
ты –
в смысле
огромного желудка

желудка города…
желудка
поглотившего мир
во тьму
и мне кажется
что ночь никогда
не окончится
будет длиться
вечно
вместе с пьяными
шатающимися
по подвалам
и чердакам
распевающими свои
залихватские песни
вместе
с мраморными лицами
памятников,
лицами
каменных
желудков
ночь,
наполненная дождями
в смысле
неестественной тоски
и воя сирен
третей мировой
где всё что осталось –
это горсточка
пепла,
остальное
по крупицам
собирать…

Осень. Осиное гнездо
Привычка прятаться в глубоком себе
Как в бомбоубежище
Привычка страдать в этом глубоко
И долго,
И простудиться
Температурить
Разбивая градусники…

И ещё, я ведь не вызывал «Скорую»
Это кто-то решил поиздеваться
Явно недруг?
Кленовый листик
Свёрнутой, пожелтевшей от курева
Ладонью
Долгие приготовленные к рукопожатию
И удручённое состояние
Когда тот,
которого ты пожелал
поприветствовать
Проходит мимо
Проходит сквозь тебя
Разбивая твоё стекло…

Окровавленные его кровью осколки,
Искровавленная его смехом улица

Из тебя – осколков, из тебя – души
Из тебя – зеркал…

И кажется.. тебя – метлы
Которая соберёт из всех
В нежелании также
обломаться
на других
выбросит я – душу, я – стекло
на мусорку…
оставаясь непроницаемым,
невозмутимым
Спрятав кленовый листочек руки
как ненужное,
как память,
как реликвию
Или же,
на худой конец
когда не будет курева
свернув этот листочек
в виде сигары
закурить
жадно сплёвывая…
Не здороваясь,
Не желая никому
здравия
Не ласкаясь в лучах
чужого самолюбия
Это как сказка, но по лезвию бритве
Это как сон, но в то же время
он длится
очень долго
И когда уже
невозможно
проснуться
ты чувствуешь
что попался

в западню
и просыпаться некогда..и уснуть..

Осень. Осиное гнездо
Кружащихся каруселей и медовых песенок
Грусти. Из которой получаются хорошие корзинки
Словно из лозы сплетённые…
Звёздочки, их слишком много на твоём веку
Чтобы существовала возможность досчитаться…

Подпрыгивая чтобы достать с неба одну, потом – другую звёздочки
желания…
И –
либо надорваться,
либо подавиться,
Они ведь только кажутся
маленькими
и лёгкими,
звёздочки…
Они слишком тяжёлые
А ты..летишь. ощущая что полёт
длится бесконечно,
будет длиться
вечность…
И мечты о пристанище. О ком-то. О карлике. О боге – пустое
И только ветер насвистывает серенады
Освобождённое поле боля…

А ты. Птица Иван-дурак, да не так
прячешься
в глубину
сознания
пытаясь туда же
спрятать и глаза
но они
выскальзывают из мешка
эти пытливые
и ненасытные
и повсюду
выдают тебя
стоит только
выбрать предмет
и сосредоточиться
на нём,
стоит только
спросить у прохожих
дорогу
по утренней
звезде

в вельветовые джунгли
серебряных
колокольчиков
в новогодние джунгли
к тебе,
чуть-чуть
помоложе,
когда у тебя были
такие живые глаза…
достаточно взглянуть на прохожего
своим проникновенным взглядом
он позовёт других…
и когда их соберётся
огромная
толпа
когда они станут
вопить
и орать
возмущённо
махая кулаками
Когда ты
ощутишь их любовь
чуть-чуть пониже
уровня груди
в виде острого лезвия
вонзившегося
в тебя,
в виде нескольких
таких
лезвий
Когда ты поймёшь меня
будет уже
слишком поздно,
пот ому что они мне подарят
свою любовь

потому что другая
вонзит свой нож
в меня
в виде
этой любви
и мы ещё очень долго
будем скакать
по кровавым
лужам
пока не поймём
что под нашими ногами
не кровь
а вода,

просто рассвет её окрасил
как-то странно
но для меня
это все равно будет кровь
невинных агнцев
и их слёзы – вперемешку
и для неё
это будет кровь
убиенных вами
существ
Мы воспротивимся самой мысли
Мы убежим из этого города. Когда в нём рассвело
И надобно прятать глаза, которые кто-то может заметить
Вот только спросишь дорогу,
у ближнего
прохожего,
Дорогу
в вельветовые джунгли
переливающихся
серебреных бубенчиков
Дорогу куда тебе никогда…
А другим – не в счёт…
И признайся, что вы
бухгалтера
гоняющиеся
друг за другом
с огромными
счётами
Вы – звездочёты
И когда я
ворую украдкой
ещё одну звёздочку,
Вы даже не смеете поверить
в то,
что ёё
кто-то спрятал
Вам кажется,
что ошиблись
именно вы…
в каком-то
расчёте…
А потом,
сойдя с ума
Громите
ненавистные
гроссбухи
Пишете заявление
об уходе
по собственному желанию
Ищете нас
долго и жадно,
и не находя
начинаете сами
прятаться от нас
становитесь дикими
и опасными…

Серенада, серенада
разбивающихся
хрустальных
ключей
звон
исторгающихся сердцем
и умом…
Вы слишком разные
чтобы понять
друг друга
в перезвоне этих разных
кричащих
звуков
вы выглядите слишком нереальными
и спонтанными
на пустыре собственных грёз

и возвращаясь к трезвому рассудку
творящие милосердные руки
не так-то просто обмануть
они не только шершавые
тёплые,
они ещё слишком чувствительны
ко всякого рода прикосновениям

заботливые пальцы отрывают его от вас
он убегает
растворяясь в ночь…

наверное это был демон
наверное это совсем не тот, кого вы
любили всем сердцем

тот, был другим человеком

..безумие, безумие, боль расшатывающая
вводящая в транс
вы пошатываетесь со стороны в сторону

Попытайтесь уснуть. Попытайтесь

К утру боль пройдёт
И нигде более не вспыхнет
жадным огнём
Полуночное безумие
полыхающих занавесок
И вы просто обозлились
И луна тоже, кажется издевается над вами
И пёс, живущиё по соседству
Жалобно скулит во сне:

Вам наверное кажется, что вы вместе с ним допоёте
Хотя прервать песню исходящую изнутри было бы глупее
Чем просто убить себя…

Мысленно поцеловаться за нос
За излишнюю наблюдательность

Мысленно протянуть дружескую руку ко мне
И крепко сжимая, и даже во сне
Мне было бы приятно быть
Вашим другом,

Мне было бы очень даже больно, если бы вы не проснулись завтра, и уже завтра бредили бы всем этим, изо дня на день…
Серенада! Серенада!

Ты,
существующий
и не привычный
взывающий,
вещающий с небес
о нас горемычных
Кто-то
ещё слишком весел
и самоуверен,
Поубавит бы
этой спеси
Вырастить горы
высотою с полнеба
Длинною в тень:
которая заменит
ночь
к которой
привыкнешь
По которой карабкаются
сбитые
коленки
Вырастить снег
на вершинах
упирающихся
в небо,

Оставить день
в забытье
день –
на слишком долгое восхождение
день –
длинною в жизнь
утро –
рождение младенца
и колыбельные песенки
у изголовья
его кроватки
Кажется, ещё никогда не было так хорошо
Как в то злополучное утро
Когда ты появился на свет…

И потом поднялся, расправив крылья
Оглашая сущее
орлиным
клекотом
Бросился прочь,
На полпути
к небесам
Ты – существующий
и не привычный!
Одинокий!

Он жив,
В колодце,
внутри,
во тьме
Поскрипывает
натянутая
цепь
Ударяясь
о опрокинутое
ведро
Наполняя его
до краёв
собственными
отражениями
словно водой
Собственными
голубыми глазами
Чистой горечи

росой…
Вы помните
эти нечёткие звуки,
Запоминаете
растворяясь
в них
И куда-то уходите
далеко-далеко
В заоблачную
высь
Еле-еле дотрагиваясь
Кончиками
ступней
До облаков…
Становясь
безумным дождём
Чем-то вроде росы
на лепестках
цветов
Чем-то
вроде радуги
Выпивая
сами себя
Испаряясь…

То же,
То-то же,
Человечество протягивает
свои руки
обнимая измятые простыни
пытаясь сотворить
из этого ничего –
куклу

кукиш,
вложить в неё
ниточки знаний
чтобы время от времени
дёргать
то за одну, то за другую
Жизненные силы
как можно равномернее
расположились
в каждой из ниточек
кусочек
сердечной боли
прилежно вкладывая
в тебя
душу
оно желает,
чтобы ты оставался
слепым
и безмозглым
отыграв до конца своё…

Я не кукла,
И проклят тем
что люблю вас
Вы вонзаете в меня
свои руки
И уже,
в который раз
ощущаете
что рубцы – на рубцах
источают боль..

Став источником
я становлюсь пугалом
которых втайне
ненавидят
но на них
продолжают практиковаться
молодые врачи

Человечество – это бред постоянства…
Это куклы –
исследующие кукол
и не более того
Время от времени
кто-то
пытается
дать пощёчину
общественному вкусу
Время от времени
появляется
такой себе
бунтарь-выскочка

Почему именно выскочка?
Да потому что он связан
данными другим обещаниями
Похотью
Попыткой
что-то достичь
И обязательно это что-то:
золотые горы,
или –

золотой век
Не бывать этому,
не бывать…

Улыбки. Желание
спрятать в себе
истинное положение
вещеё

Время от времени
на гребне
девятого вала,
появляется
такая себе
Маша,
пытающаяся быть выше,
лучше,
желаннее
Желание, всегда добро!
Желанные гости всегда более желанны
когда они
от нас уходят
Но Маша – кукла…
Она,
как и многие другие
– ошибается
Куклы не бывают
лучше,
или добрее,
Им просто кажется,
что они
– настоящие…
Они крепят себя жуткой
мёртвой верой…
Из дерева
можно выстроить
всё что угодно,
даже глаза,
такие же
как у тебя –
карие
живые,
настоящие глаза
искрящиеся
И всё равно
ты не сумеешь порвать
эти ниточки
ты не желаешь порвать
эти ниточки

Назовём это,
словом любовь!
Или же,
обожание
тайное или явное

В данном случае – убийца лучше
потому что ниточки прочные
и иногда их легче всего порвать
чужой кровью

но порвать – главное
Сделай еще один шаг. Улыбнись
Искусство –
это порок…
потому что – улыбка,
потому что – эгоизм…

Кто ты?
Существо взлетающее?
Пытающееся порвать пута
навязанные Человечеством?
организованными куклами
за которыми присматривают
свои куклы
у которых своя
кукольная любовь
шестёрок
по отношению
к шестёркам
по отношению
к тем…

Когда рвёшь эти нити – болит, ноет, печет, так – всю жизнь, перекотиполем, но - свободен, это – плата за прозрение. Понимаешь? Вселенская боль. Мудрый печален ибо много знает.
Понимает ли это, мирно пощипывающая травку на лугу овечка?
Ведь мысли твои – Человечество
Каждый твой шаг пропитан этим
Каждый твой взгляд – ненависть по отношению к Иным, по отношению к нестандартам, читай – бракованным, читай – не куклы, читай неуместная мысль в голове смешать всё готовая…
Но покаты – кукла
Всё началось с измятых простыней, всё ими и закончится
Дорога другая. С болью но весёлая
Пытающаяся стать свободной
Проси прощения у себя самой, настоящей
Или становись на колени перед Человечеством…
Хой!

Следи за собой,
привязываясь к стулу,
Чтобы не упасть
Чтобы не напиться,
Не пролить
собственное содержимое
на пол,
Не разбить стекло
на чьём-то
портрете.
Следи за собой,
чтобы не насорить
И не испугаться
того
что ты сдавил
кому-то
горло
мёртвой хваткой
И вот уже кто-то
в серой
униформе
Поджидает
за дверь притаившись…
Свяжи свои руки
вот этим
ремнём
Он не порвётся…
Чтобы не слышать
чьих-то
гулких шагов
заткни
уши
ватой,
И сиди
на стуле
спокойно
Так,
Словно читаешь
утреннюю
газету,
Так,
Словно ты моргаешь
недоумённо
глазами
При чьём-то
появлении
Для того
чтобы не испугать
непрошеного
гостя
И себя
Собственным голосом
Собственным криком
изнутри
Дурацким
«Здравствуйте,
как ваше
здоровье…»
и дальше,
и больше,
понос
красноречия…
Попроси воткнуть тебе
могучий
кляп
в рот,
первому
вошедшему сюда,
надеть на тебя
очки
тёмные…
будь спокоен
и уравновешен
Пока кто-то
Не додумается
до того,
Что ты ведёшь себя
слишком хорошо
для того
чтобы жить
И поставит
на тебе крест…

Лежи смирно
в этом
гробу…

Ты – Лазарь,
верящий в силу
собственного
исцеления
от рук
Господа,
Ты – преступник,
Лазарь

переступивший черту
смерти
и вернувшийся
обратно
Туда
где тебя все забыли,
смирились
с внезапной
кончиной
ты не должен
возвращаться,
не должен…
Бессмысленно начинать строить заново храм
В который не вселился в прошлой жизни
Время успело изрядно
поработать
над тобой
Оно сломилось
где внутри,
В тебе,
Нашарь руками
окровавленные стрелки
изломанные
стальными
внутренностями

Ты робот Лазарь,
И поэтому
Должен проржаветь
до основания
И когда ощутишь
что умер
Когда растворишься
в морском песке
Чувствуя себя морем
и набережной
Больше
чем человеком
Когда поймёшь
что душа воистину
бессмертна
И в ней кто-то
купается,
Роется
Перебрасывая
камушки души
С места на место,
Когда поймёшь
что мир не дал ничего
взамен
твоего,
когда-то внезапного
воскрешения
Ты преступник
Лазарь
Переступивши один раз
черту смерти
Обратно
никогда уже
не возвращается
Его душа остаётся внутри,
в песке
Тело становится песком,
Часы останавливаются
и ржавеют…

Скучающих сердец карандаши,
Капающих красок, слёз, молитв на бумагу:
Картины, нарисованные тобой, если бы это случилось,
Если бы ты не ослеп, если бы…

Дрожащие руки, невозможно унять дрожь.
Лечь плашмя, уткнув лицо в одну
Из белоснежных подушек

Единственное, что у тебя осталось – это сон
И ты – его художник..
Остальное – ожидание
не обещающее
ничего хорошего
То дерево, на котором мечтал повеситься
В худшие времена

Когда не хватало сил
Взобраться на него повыше
Надуманное и бесполезное желание
Внедриться в себя, в скорлупу,
Вступив в конфликт с я – внутренним,
Наклонясь, подгребать под себя кусочки я – мусора,
Я – денежных знаков…

Полюбив ещё одного я — человека обжечься, заметив,
Что это вовсе не то, чего хочется

Иное находится за я – кирпичными стенами
За я — забором, я — изгородью колючей;
Я –злой пёс, не впускающий вовнутрь…

Хозяин, нежданный гость…

Я — сплошные многоточия живых людей,
Взирающего на них с интересом с верхушки вековой сосны,
Сбрасывающий шишки, величиной с кулак, на их головы,
Не желающий слазить под нажимом других я — причин
И веских аргументов…

Горечи, состоящей из того
Что они, самые мелкие – не в состоянии меня понять

А пристально разглядывают сквозь лупу
С упорством выпячивая нижнюю губу
Целятся из своих рогаток…

Пускай время ещё не пришло
И я совсем не готов упасть
И ты, желающий раствориться в чужом Я,
Утолить его
Будешь в растерянности взирать
На биллион мелких человечков,
Которые составляют каждого из нас, от мизинца на ноге
До последнего, начинающего седеть волоска

И кто-то в желании услужить перед тобой
Назовёт этот волос на твоей голове
Волосом мудрости…

Кто-то сострижёт незаметно прядь
Начинающих седеть волос
Упрячет в маленькую шкатулочку на своей груди
И будет гордо носить талисман
Преумножая головную боль…

Ты ведь когда-то был художником
Нарисовавшим
много
глупых картин…

Воплотившим себя
на клочке бумаги
В каждом городе
на заборе
есть место для тебя
и твоих художеств,
есть время
для нереализованных пока
идей,

Ты распят
на этом
заборе
Ругаешься
глядя на нас
свысока
Мы пытаемся утешить уязвлённое самолюбие
Тем
что ты –
всего лишь выскочка…

Но слова, произносящиеся впоследствии
Разбиваются о мысли о том, что ты не безумнее нас всех
Вернее мы – частица тебя
Маленькие буковки, неразборчиво написанные кровью:

Имя и фамилия.. клочок волос упрятанный
В шкатулочку рядом с сердцем, спрятанного ключика
Зарытого в песок до лучших времён…

Карандаши сна, оптический обман
Миражи, люди и облака тающие, летающие коты,
Мыши, пытающиеся от них убежать на Луну,

Луна, громоздящаяся на спинах котов,
И жалобный вой последних…

Всё что остаётся у тебя во сне –
Рисовать…

Всё что остаётся в момент пробуждения –
Вспомнить
О существующих, нелепо разбросанных где-то,
Спрятанных внутри тебя картинах
Попытаться их снова нарисовать…

Встретиться с ними, обнять торжественно, восторгаясь
Словно давно позабытых друзей
Исчезнуть, раствориться в них
В красках колдовского леса

Пытаясь возвратиться, чтобы убежать
Запутаться, заблудиться в спящем лесу
Расплакаться и потом повторить всё снова.

Сладкая, давно позабытая печаль…

Это не мои слова,
Всего лишь на всего твои сны,

Возвращающиеся время от времени
Пытающихся укусить, навязать себя
Любым, подходящим для этого способом

И вот ты стал пить
Поглощать слишком много спиртного
Отодвигая сны…

Забывая, что жизнь – сон
На сей раз более глупый и пьяный, больной
И боль тянется бесконечно
А время тоже уснуло, пьяное и нереальное

Собутыльники полны решимости
Остаться рядом с тобой
Вытеснить тебя из собственной реальности

Устроить тебе ложе из бутылок
Укрыть визжащими чудищами
Назвать их женщинами и весь остаток жизни
Пробудиться пытаясь от тяжкого похмелья
Ты будешь называть всё это – любовью

Твои ближние станут называть это—любовью
И бутылки наполняемые вами
Вскоре взорвутся на много-много
Кровавых осколков

Вы будете радоваться и танцевать не замечая
Сколько на вас жуткой чужой крови,
Запахов и рваной одежды

И нечем прикрыть наготу,
Об этом не беспокоясь

Вы будете пить – не хмелея
Вы будете спать – не видя снов
Сны станут уходить, подолгу не возвращаясь
Издеваться над вами..

И дрожащие руки, неспособные нарисовать хоть что-нибудь
За исключением замкнутого намертво круга
Камеры-одиночки, в которую однажды водворился ночью…

Так пейте же узники…пейте
Когда-то всё остаётся в прошлом
Когда-то всё забывается…

Скучающих сердец карандаши
Капающих слёз, молитв на бумагу,
Отравленный мир неисповедимых снов!

В тебе притаился антимир
Маленькая песчинка внутри огромной матрёшки
Солнышко, согревающее внутренности стальной кожуры
Рассеивающиеся питающие тебя иллюзии — лучи
слова
умело завуалированных
поступков
Как далеко и нереально,
В море традиционного хлама
В пещере отшельника
А я не жалуюсь
например
на то
что вы едите меня по кусочкам
как черви
каждый…
Утро начинается с того, что ваш антимир
Проникает в мой антимир
Пролагая себе дорогу,

Хотя
это слишком высокопарно
сказано,
Скорее тропинку и по ней,
Мощёной чужой кровью
Ползут муравьи слов, словес

Хорошо выглядят словеса в боевом построении
Агрессоры уничтожающие мирных жителей
Одного за другим

Руки
обжигающиеся
пламенем
свечи
Мотылёк, летящий
на свет
солнышка,
Согревающего меня
Внутри стальной кожуры
Согревающего окружающее собственной болью
Отступающего на несколько шагов
Заблудившегося в дебрях пустых слов
Выгодных поступков,
Дела, которого у вас ко мне нет..

Троеточия многозначительного
Продолжающегося неосознанно далее
Миллиардами точек несказанных людей,
Их мыслей, прожитого; и всё — без повода..

Пауза,
Тишина, прерванная многозначительными покашливаниями
Без слов…

Они значат меньше, нежели мнят о себе –
Боятся..
И те люди
которые спят,
или опять же
Забылись
в летаргическом
сне
Выглядят насмешкой
Возвышаются надо мной
Потому что молчание – золото?

Не забудь усвоить и этот урок, молчи
Будь размытой от слёз и страданий страницей
На которой невозможно что-либо прочесть,
Чернильными кляксами на пути усугубляющегося интеллекта
Выше ума,
или
даже в неграмотности
Осознавая
тёмную
силу
Потому, что опять же,
молчание золото
А человека осознавшего это – уже нет

И ты любишь пустое место, манекен,
Ждущий бессовестно своего часа
Чтобы напялить ещё одну одёжку

Будь влюблённой в манекен
Меняйся в лучах псевдосолнца
Его бессловесности, слёз и поступков…

В тебе притаился антимир
Не беспокойся, он скоро исчезнет…

Когда ты ощупываешь пустое место
От наслаждения закатывая глаза
Слегка прищуриваясь, потом вздрагивая
Готова потянуться за ним
рассыпаться
завянуть…
Считай что это –
Любовь,
Считай что ты –
Умница,
Конечно …

Ты с пользой для дела. Кошка, перебегающая дорогу
Выкрашенная во все оттенки чёрного и серого
Я пытался воспрепятствовать но она, взмахнув хвостом,
Спряталась в ближайшей подворотне
Ослепив прожекторами зелёными…

Вот мы ещё раз встретились, пытаясь делить тебя поровну
Впитывая обиды, заключённые в объятия
Тайной тишины звуки,
Ты кружился вокруг неё слепо
Натыкаясь носками ботинок
На пустые банки из-под пива..

И вся улица вздрагивала, просыпаясь
Пытаясь уснуть
Усугубляя бессонницу

Ты, с пользой для дела
Испытав на себе целый ряд метаморфоз и воплощений
Ещё одно шумное существо
Действующее лицо на пустынной улице, не более…

Может быть
мои руки
Это мои крылья?
Вы слышите только шуршание
И непонятные хлопки…

В то же время я –
улетаю
А мир исчезает
под облаками серыми
Не совсем
пушистыми

Вернее – они где-то внизу

И я не слишком эфирен
Чтобы долго и высоко ну и пусть
Мечтам нужен отдых …

Перевёрнутое осмысление происходящего в розовых очках,
Ветвистые струны…
О любви почему-то писать не хочется
Потому что она превратилась в гадюку
Заскользив между пальцев соединилась со звонким смехом.
А я подумал – странно: змеи не умеют смеяться
Они только жалят..

А после, рассуждая как-то под утро понял,
Что уже всё равно, и я отравлен,
И листья вокруг и солнце, отовсюду издающееся шипение
Ощущение бессилья, просто человеческого страха
Загнанный в ловушку
Исчезающим чувством постоянства…

Единым мгновением смерти?
Потонуть в вонючем болоте
Или выжить по колени, или по пояс выжить?
А потом захлебнуться в жиже

Ты змея — даже когда слишком добра ко мне
И это — невыносимо…

Ты змея, когда я сплю.
Или пытаюсь напялить на себя безличностную
Маску
В данном случае – ангельского безразличия…

Я удивляюсь тому, как ты меняешься, удваиваешься
Вижу в тебе сразу оба сознания
Одно из которых вцепилось в глотку другому…

И вот уже очень долгое время
Девушка из моих снов
Борется со своею змеёй

Змея опутывает её увлекая за собой
Обещая что-то
Напевая сладкие песенки…

Я протягиваю руки, пытаясь свернуть шею
Помешать и понимаю,
Что скорее всего уничтожу тебя –
Ведь ты так плохо выглядишь

В последнее время…

Глупо, глупо!

Раскачиваясь словно в трансе
Я брожу вокруг костра
Надеясь, что его жар отпугнёт мстительное животное
Имя которому — отчуждение,
Имя – сто и один грех

Я знаю, когда-нибудь на этом месте
Воздвигнут памятник безрассудной глупости
Он станет также твоим и моим надгробным
Ещё одна трещина
И возможно мир расколется на две половинки
Одна из которых наша, другая более древняя – мудрая
И та, которая пыталась похоронить нас
В безрассудстве нашем…

Она, которая нашёптывала мне на ухо «оглянись»
И я пятился, чтобы упасть, обжечься
Изведать её укусы, её смех, безразличие…

Сила твоей змеи в том, что она больна безразличием
Безличностна, беспола и едина в гневе толпы и в её объятьях
В объятиях фюрера этой толпы
Которая, зная цену разрушениям
Не помышляла о созидании…

Это первые слова, сказанные за наш вечер
Когда я ощутил себя в ловушке
Когда ощутил себя слишком усталым
Чтобы убегать и прятаться
И единственная возможность остаться,
Пытаясь угрюмому выражению лица
Что-то доказать, немножко подправить

Растянуть в безличностную маску
И безразличием желанным, надуманным
Я буду противостоять безличности змеиной сути
Проигрывая, наполняясь весёлым ядом…

Захлёбываясь от смеха, так что земля задрожала
А звёзды продолжают падать,
Словно необычный снег
Должен наполнить мою душу льдом
Имя которому – отчуждение, несостоявшаяся, полинявшая
Сбросившая старую кожу…

Перевёрнутое, в чёрных полосочках тигровых
И квадратиках лиловых, осмысление происходящего
В розовых очках!

Хрусталь херувимов полных черт,
Зелёных кристаллов полутонов
Сверкающих, бьющих, тонких полупрозрачных рук
Перекошенных лиц…

Усилия прилагаемые изнутри
Исподволь крошащейся кромки обдуваемых ветров
Что? случайности нескольких звуков
Опустошение
И вернуться
Застыть, молчать

Страх звон
Бьющаяся посуда
Люди – летающие тарелки…

Пролетающие мимо в надежде постичь Вселенную
Люди — бифштексы на этих тарелках, выжившие из ума
Накалывающиеся на вилки

И другие люди проглатывают всё это
Поймать и насытиться – одна из причин
Благодаря которой на свет произрастают
Новые идеи, читай – люди

Их мысли, которые – ночь
Тёмный лес, вопреки солнечным лучам?

Слепая возня, вы пытались что-то соразмерять?
Возьмём фугу, например
Или упрячем её в маленький саквояж
Чтобы никто не услышал, не похвастался
Не взлетел…

Вы знаете, как это пошло,
Вы знаете, как это больно – падать?

Одинокие в своём стремлении
Живые в стальной основе своей

Поющие и как не странно
Голос ваш – всего лишь эхо

Отзвук осыпающейся штукатурки…

Красные кляксы на руках, на лице, в глазах
Ещё кого-то можно застать врасплох
Потому, что он не уверен
В собственном изнеженном чувстве
Приклеиться липким пластырем взгляда
К убегающим из-под ног рельсам.

К убегающему исподволь солнцу
Приклеиться липким желанием
И растаять посреди леса
Натянутыми проводами телеграфных слухов перестукивающихся:
ТОЧКИ—ТИРЕ—СЛОВА

Красные губы на лице кляксами…
Расцелованный мир в губной помаде
В чернилах иных слов и звуков…

Мне говорили что жизнь – изначальная стадия смерти
Веселись и пой, раскачиваясь, будь безумнее
Пока рухнувший небосвод не погребёт нас
Под своими обломками…

Пока дождь не прольётся
А слёзы -- только радость
Ими ты выражаешь свое отношение к происходящему

Сознание того, что она просто дурачится
Чёртова кукла..

Мне говорили о том, что я лишь одна из букв огромного алфавита:
Он рассыпался веером по вселенной
В виде звёзд, и того что она меня боится
И кое-кто считает меня врагом или наоборот
И почему-то из единственной я..я…я
Выходят различные формы
Появляется ещё один алфавит
Из я –поменьше,
Твёрдых и сумасшедших
Тех, которые влюблены по уши
Ощущая, что другие не в состоянии
За уши вытянуть…

Представим себе, что где-то в далёком дремучем лесу
Существует ещё избушка на курьих ножках
Представим себе, что это центр нашей помешавшейся вселенной
И вы имеете право увлечь её за собой в далёкий город…

Умереть от тоски? что
Ведь жизнь – изначальная стадия смерти
Ведь вы -- исходная точка
В конце концов всё в неё упирается
В нежелании вылупиться, в нежелании понять..

В этом тихом отдалённом лесу
Бабушка, не сделавшая ничего плохого
Костяная нога длинных философских тем
Когда ты наклонишься над моим сонным
Пребывающим в грёзах телом
Я попытаюсь вылупиться
Попытаюсь расправить крылья
Ведь наверное — тоже птица
Лебедь
На худой конец дикая утка
Но вдруг
С ужасом ощупываясь, пойму
Что всего лишь ребёнок
Избушки на курьих ножках…

По брёвнышку себя ощупывая.
По пёрышку…

Ещё одна квартира для нежеланных гостей
Одушевлённая квартира…

Вы живёте в моей душе
И не я вас впустил туда
Не я…
Вы сами долго путали в лесу
В поисках грибов, дичи
Заблудившегося друга
«ау!»осипшие голоса, преисполненные тревоги
потому что нет -- и упал, растворился
или задрали волки,
хотя где уж там, в дремучем лесу:
вы пришли ко мне
на ночлег…

вы вернулись и снова, и снова
делали мне больно
обращаясь со мной, словно у меня нет крыши над головой
словно у меня нет души
а сами без зазренья совести
пользовались моей душой и крышей
совершая святотатство..

в самом начале
когда я был точкой,
яйцом
и мог беззаботно существовать
с кем-то
а кто-то не мог войти, постучавшись

вы утверждали что вы – лучше
но ваша душа – внутри
вы живёте в моей
одно из изначальных матрёшки
Самая маленькая неразборная
Спряталась, спряталась
Я вас не виню за это!

Мальчики с рогатками, девочки с косичками
Я знаю – все вы матрёшки
И возможно что-то другое
Таится
За кажущимся обликом
Разбросанные
Затерявшиеся половинки закатившегося
В пыль старинных диванов шкафов
Лени взрослых…

Со временем они припадут пылью
Не отыскать...

Ты процветаешь изнутри
В конце концов -- это только проба пера
И ничего не случится, если он умрёт…

Надо только закрыть глаза в испуге
И не отчаиваться, забыть о том что между нами
Уже проросло дерево..
Сначала существовал этот испуг,
А потом и его не осталось…

И он был похож на кого-то другого
Когда рухнули стены
Продолжая стоять соломинкой на ветру,
Пристально смотреть тебе в глаза…
Это было несколько дней, или несколько веков назад…

Ивовая веточка ты среди нас просто…
Мы продолжаем углубляться в себя, в пламя свечи…

Обжигающее кончики пальцев

В пламя людей
Жадно искусывающих кончиков взглядов
Руки тянущиеся сквозь руки
Не находящие там ничего
Полупрозрачное и ещё раз
Пока продолжается светская беседа...
И ночь, и ты в уединении:

Это очень просто,
Изначально он был кем-то другим,
Более загадочным, пустым
Невежественным в раскалённой улыбке
Растерянно вопрошающей, но как-то раз…

Моя причина выстрелить в долгое завтра
Которого все так ждут
И ожидание превратилось в бесконечность

Пауза бегающих по клавишам рояля мышей,
Их возня, издающиеся звуки
Привычная какофония суеты
И тишина ожидания
Возвышающаяся табачным дымом над городом
Уснувшим…

Развалин ваших чутких слов…

И раздающиеся голоса где-то вдали
Рвущие тёмную ткань
Фары
Ревущих автомобилей…

Кое кто желает дождаться завтра, бодрствуя
И уснуть уже завтра, просыпаясь в ожидании
Вспомнить что завтра – всего лишь сон
Продолжающийся бесконечно,
А ночью время протекает по-своему
Оно сжимается и расширяется, разливаясь полноводными реками
Убаюкивает и, хватая за шиворот бросает нас,
Как котят в холодную реку
Ещё не успевших проснуться

А под утро, удивлённые, мы будем вылавливать покойников
В этом весь смысл нашей скрытой религии:

Удивляться, хоронить, просыпаясь в ожидании,
Разгоняя себя до предельной скорости
Визжать на поворотах и пугаться того,
Что тормоза могут отказать…

Ты, улетающий в дальние сугробы
Я – возникающий где-то и мы вместе едины
Окрепшие в своём решении
Выстрелить в долгое завтра…
Чтобы хоть что-то делать
И оно не отдалялось от нас
Всё дальше и дальше…

Чтобы превратиться в пыль, в старость
В косноязычие
Что-то не стоящее ломаного гроша
В ваше благородство, умение кастрировать
И втайне сочувствовать, притворяясь себе,
Что делают величайшее благо…

Телевизор – кастрат
В котором умещается всё ваше мужское достоинство

Заменяющий мир ожиданием
Ломающийся, взрывающий вас и себя пожирающий

Смысл тающей песенки
Огонёк сладко текущих речей…

Восстановивших по памяти
Остановку, на которой тебе выходить.

И захлёбываясь в людском водовороте
Штормовых волн
Иногда жалеть, что ты не рыба
Мучиться, убивать себя мыслью о том
Что всё ещё не разучился говорить

Пытаясь плавать
Забывая, что всё имеет свои пределы и берега
Включая то же самое море

Выбираясь на берег чувствовать,
Что у тебя нет сил убегать

И твои лапы подобие тех, мускулистых
С хищными когтями
А мысли – расписанные на бумаге, нарисованные
Блуждающими полосами, похожими на сизоватый табачный дым

Прокуренной истлевшей от старости бумаги
Рано или поздно попытаются сжечь..

Огонёк забытья, сладкий трупный запах
Сжигаемых рисунков, зданий…снежные мысли
Заоблачные слова..

Людей, у которых нет ничего за душой
Людей, которые держат в объятьях смерть,
Упиваясь властью, целуясь со смертью
С чужой смертью !!!

Где же, из-под земли вырастают
Словно грибы после дождя
Каждое утро..

Грибники в белых халатах
В резиновых шапочках
Остекленелыми от беспамятства глазами
Собирают их в ржавые, огромные бидоны
Молочные,
Консервируют…

Придя домой падают от усталости
Засыпая
Вечером не вспомнив ничего

Утром не проснувшись…

Ты веришь, что я ухожу на тихую охоту
Спозаранку..

Стеклянные бутылки…

Где же, разве не чудовищная загадка природы
И смысла в том,
Что из открытого окна видно мир украдкой
Когда по улицам,
Звеня стальными острыми ступнями—шпильками
Словно невзначай
Заполняя её
Звонким, беззаботным смехом
Бродят, сворачивая в тёмные переулки
Библиотек
В наши томные, пустые глазницы окон и дверей
Изрезая всё в мелкие клочки
Превращая в быстротающий снег,
Слёзы в соль,

А улыбки – в кровавые раны
На этом снегу
Соль – в крик полуночный филина/испуганная птица/

НОЖНИЦЫ…
Пропитавшиеся ненавистью к чёлке,
Моим глазам, моей любви
И я, совсем не чистая страница
Чтобы кружиться над городом невесомыми пушинками

И мне скорее хотелось быть пеплом
Которым посыпают ваши
Уходящие в себя головы,
Полосочкой света,
И ещё -- согревать вас собой
Пока моя книга существует

Пока не замёрзли, превратившись в лужи,
Грязные серые лужи свинцового неба…
Пока ножницы слишком невинны
Чтобы замарать себя чужой кровью…

И тебе наверное кажется, что они такие же как и мы
И мы – не лучше их..
А деревья --
Не свежеструганные доски для гробов,
А всего лишь деревья

А мы – всего лишь маленькие дети
Не желающие исполнять священный долг…

А они — маленькие глупенькие ножнички
Из маникюрного набора
Влюблены по уши в пилочку для ногтей

Вот ведь ювелирная работа:
Превращать обкусанные неврастенические
В произведение искусства,
Покрывая лаком..

Но наверное очень скоро наступит время
Когда мне придётся от вас спрятаться подальше

Потому что вы делаете очень больно

Потому что я выродил книгу
И она настолько же мой ребёнок
Насколько я сам…
Мы -- единое целое, заключённое в кокон,

В оболочку, в переплёт,
С желанием
Что-то рассказать людям…
Но под вашими стальными каблуками
Беззащитны…

Что произойдёт раньше?
Вы изрежете меня…или же прочитают?
Неизвестно…

Вы помните, когда-то я любил вас?
Вы помните, как упивались моей кровью?
Я был для вас первым!
Первой прочитанной книгой,
Теперь безвестен…
О ножницы!..

Свернувшего себе шею
Камерные страшилки
В мешке
моего кота
жалобно воющего…

Упирающегося о стены камеры
Ломающего когти
Удесятеряющего
свои страдания
Пушистые,
полные ужаса
слова…
Паузы
напыщенных
слов…
Круглыми глазами
Увидавшего мышь

Спрятавшегося в углу…

Я пытался услышать, когда это бессмысленно
И паук, притаившийся в углу, плетёт тонкие сети
Из серебряных звуков ковёр
Я пытаюсь почувствовать его дыхание,
Собрать капельки звуков
Сделать из них море, плавать в нём
И когда стены рухнут
Останется только серебряная паутина,
Тебе грешным делом будет казаться,
Что я свободен, что я глух, не слышу
Подкрадывающихся шагов, сзади…

Даже когда ты почувствуешь моё тёплое дыхание,
Когда будешь ко мне очень близко
Я боюсь – ты не поймёшь меня…

И когда я скажу, что вижу в конце тоннеля свет,
Обязательно найдётся один или несколько
Сзывающих в срочном порядке группу..

Они захотят ослепить меня…

То что я слышу – ещё один повод
Обвинить в святотатстве,
То что я вижу – их боязнь не признаваться
В собственном уродстве,
То что я помню — их причина видеть в этом боль

Они не понимают что память — корни,

Я пытаюсь понять тишину,
А вы повключали радиоприёмники,
Напиваясь искусственных звуков…

И ещё долго будете буянить, понимая что это бессмысленно
И запах, исходящий от вас, напоминает лошадиный навоз…

Но я прорастаю из-под обломков суеты,
Исподлобья желания сделать что-то бессмысленное
И опять же – шум, марсианского языка
Водопады, речушки, роднички…

Но даже если меня будет мучить чрезмерная жажда
Когда я захочу до боли вашей любви,
И ответом будет взаимность..
Ответом будет глупое эхо моих слов…
Лучше умереть, чем становиться на колени…
Лучше разбить пустые сосуды тел
И плясать на черепках любви, эгоизма…
Я стану верхом открытия в людях
Которые умеют производить шум – и всё…

Умеющих делить жизнь на равные порции, как конфетку,
Как сладкий пирог…

Бродят постоянно сытые и пьяные
Затаскивают в подворотни девочек,
Дёргая за ритмические сиськи..
Ты наверное хочешь быть кем-то в спектакле,
Пускай даже сиськой, они ведь нужны.

Рукой, поглаживающей сиську, стоном подворотни..
Надругательством над тишиной, неосмысленным надругательством..

Слова -- словно комары-кровососы,
Оставляющие на теле незаживающие раны,
Превращающие лица в кровавое месиво. Пьющие из меня кровь,
Становящихся более вульгарными,
Сытыми кобельками слов…

Я пытался говорить что-то,
Но наверное лучше молчать,
Потому что нет слов
Которых бы вы не опошлили, извратив суть.

Не бывает непроизвольно произрастающих деревьев
Которые вы бы заметили, и не попытались выкорчевать
Пересадить в другое место
На своё усмотрение…

И я такое же дерево
Но не могу быть под наблюдением
Не хочу вашего солнышка звуков…

Слушающий,
Я – огромное ухо, издевающееся над вами
Выстраивающее логические цепочки и ситуации
Из ваших слов…но наоборот

Баюшки —
это религия,
во множестве растворяющихся
колыбельных—
Псалмов.
Покачивающаяся коляска
Поскрипывает…

Ребёнок,
посапывающий
в безмятежно
счастливом
сне…
О! Всемогущие родители…
Его величество – ласка

Нательный крест – пустышка
Ваших слов
Иных..
Причмокивая от удовольствия..
Обедня…

Разлившееся молоко –
Осанна,
Не попадающее в прорезь…

Ребёнок – символ
Начинающего рушиться мироздания
Настраивающего всех
На иной лад…

Глас вопиющего в пустыне…

Первое слово, какое оно будет?
Независимое, независящее от нас…

Баюшки – это религия, и погремушки -- неизменный её
Ритуал..

Разбросанные игрушки –
Попытка побороть в себе искушение…

Смысл всё тот же – засыпай…засыпай..

Знаешь,
что ощущает сигарета
дотлевающая между пальцев?
Кажется, она просто жжёт?

Кажется, на этом месте появится рана…
Болит..всё?

Повод высказать неудовлетворение, бросить, растоптать
Приблизиться к мгновению
Когда кто-то подобным образом пытался поступить с тобой…

Видишь собственное противодействие ожогам, волдырям
Не понимая:
Это не единственный метод решения
Наболевших проблем…

Нельзя – оторвать и выбросить.
Не принимая во внимание чужие чувства.

Иначе жизнь расправится с тобой подобным образом:
ЭКСПЛОЙТЭД ПОПС!!!

Существо невозможно испортить прикосновением
Сущность существа нельзя растворить
в воде
или в чае
с лимоном…

Потому что она – не сахар
Потому что не мёд…

Скорее ложка дёгтя в чужом стакане
В жидкости
Которую собираются выпить единым махом…

А получается – наоборот ---
Ощущение,
словно тебя выпивают…

Предположим, что надо продолжать в том же духе
И о себе – это слишком,
И о ком-то другом свежие предания…

Но как бы сказка не была хороша
В неё уже больше не верится…
В красные фонарики на углу у питейных заведений,
В таинственные глаза, в любовь при жизни,
А звонкие ливни – совсем не мои слёзы,
Не признак душевного расстройства…совсем…

Ваша осознанная правота -- в заученности чужих слов
Ваша достаточность – единственный недостаток

Я зеваю и вглядываюсь в зарешёченные окна
В которые понемногу начинает проникать
Дневной свет…

Вот она — перспектива находиться под солнышком
Постоянно на солнцепёке
Пока толпа не впитает по капельке пот,
И от стыда ничего не останется, ибо он – эфирен
А ты — слишком умна, чтобы дарить осознанно
И мне не хватает слов
Дабы убедить кого-то в обратном

Но пусть так —
Для того чтобы жить — надо убивать,
Убавлять от кого-то, приплюсовывая к себе

Если я изучил науку, был прилежным учеником.. если…

Вы узнаете об этом
Когда найдёте в подворотне труп…

Я надеюсь им будет моё бездыханное тело?

Это – ваша плата за злорадство,
Потому что, для того чтобы жить — надо убивать:
Иллюзия власти над жизнью будет полной…

Вы подавитесь собственной радостью, поделитесь ею со мной
Я – не выдержу, уйду, оплакивая труп, найденный вами…

Я — мёртвый буду благороднее, для этого – нужно время,
У вас его недостаточно,
А мои часы остановились на половине двенадцатого…
Или же, если ещё чуточку попытаться протянуть, чтобы вспомнить,
Попытаться остаться

На них так и останется без четверти полночь…

Слышите?

Мир спешит ко мне на поклон,
Не замечая, что я отверг его..
Не понимая, что он убийца, а я – жертва

И мне подобало бы восстать из мёртвых
Стать фюрером фюреров, утопить существующее
В реках крови,
Но я просто останусь в подворотне
Где утром найдут охладевшее тело…

Я – который душевный калека,
Недостойный чувств светлых
В смысле вашей идиотской пьески,
Потому что не смог убить негодяя..

Но если все вокруг негодяи
Если все подлецы, наглецы и иуды
Если я хочу быть похож на кого-то
В конце концов это — иудкины слёзки…

Сумасшедшие, я шёл к вам с открытым сердцем,
А вы ощипали душу, словно кочан капусты…

Вы оставили меня лысым
Чтобы доставить себе удовольствие
Ещё раз посмеяться надо мной…

Я, как ребёнок, сажусь на рельсы
Я, как паук. Тку дурацкую паутину стальную
Опутываю ею землю, от полустанка к полустанку
От города к городу…

Я, как ребёнок, горю желанием
Поделиться с вами последним что у меня есть –
Своей любовью…
Убейте её во мне, убейте…

Сожгите меня распятым
И даже по уши в вашей фальшивой позолоте
Вы не заставите меня никого полюбить более,
Потому что это – смерть, самоубийство
И я уже один раз умер…

Потому что вы, безголосые рыбы
Окунающиеся в волнах Тихого Океана, бляди, плещущиеся
Словно прибитые пыльным мешком, сонные мухи,
И нечем вас расшевелить, нечем…

А я нуждаюсь в одном существе
И жизнь его постоянно забирает
Мир продолжает шоу,
Окровавленные стрелки вонзаются в голову, проходят насквозь
Я – становлюсь невидимым,
Буду иллюзией его смерти
Осмыслением вашего счастья,
Заработанного чужой кровью и потом

Я хочу быть убитым
Чтобы не произнести больше ни слова
Растерзанным и искалеченным просить у вас милостыню
Жестом надругаясь над теми
Кто меня обобрал до нитки…

Вы будете раздражены…я знаю

Я заставлю убивать раздражением
Потому что вы ни на что больше не пригодны
Насиловать попсовой любовью,
Елейными, ласковыми фразами ближних
До тех пор, пока не очнётесь,
Пока кровь не хлынет из вашего горла

И вам будет казаться, что это — слова
Фонтаны слов…

Но вы и так уже превратились в фонтаны надругательств над жизнью
Разве это не повод вам жить. А мне с жизнью распрощаться?

Скажите …не прячьте глаза
Не пытайтесь понять…

Надо было совершить ритуальное убийство,
Замарать себя чьей-то кровью
А я – выбрал жертву.. стал жертвой
Ты – станешь ножом, а они мясниками
И кто-то будет продавцом моего мяса…

Предположим, что надо продолжать в том же духе,
И о себе – это слишком…

Чуткий сон длится несколько мгновений,
Неспокойных микроночей,
Ближе и ближе к концу ночь
И она необъятна…

Ты неспокоен
Ты видишь только в красном цвете всепоглощающего кошмара,
Где надо бы определиться,
Обрести себя и свою глупость,
Силу быть нежнее…и вообще – быть!

Насколько ты понимаешь эти слова?
Насколько слова понимают тебя,
Когда вырываются клочками, обрывками
Изнутри…

Насколько ты шпион за собой и соглядатай?

Твоя несвобода казаться лучше чем на самом деле,
Их несвобода показывать яркие картинки, ярлыки и обёртки..

Когда ты приходишь в дом с раскрытыми объятьями
Они отдают тебе все обломки беспечной жизни
Выметут сор из избы
И начинят твои мозги всем мусором,
Вперемешку с битыми оконными стёклами

Ты изрежешь о осколки душу, запутаешься в мире
Точно так же, как я запутал…

Я буду любить тебя растерявшейся и одинокой
Заблудившейся любовью.
Закрыв глаза, искать твои губы,
Впотьмах натыкаясь на что-то острое, целовать руки

Ранясь о твою боль
Не испугавшись того что она стала общей болью…

Я стану частью того островка, где не бывает обломов…

Но наверное, ты до сих пор видишь
Одни битые стёкла
Ранясь о них не замечаешь
Что истекаешь собственной кровью

Думая что кровь – чужая, например – моя…

Неправда!

Чуткий сон длится несколько звонков телефонных
Несколько телеграфных строчек,
Писем написанных тобою до того, как ты убежала
Спрятав свои глаза…

До того как
Я долго искал тебя в себе
И не мог достучаться

Ты выросла, испугавшись собственной значимости
Почувствовала себя нелепо и звонко, словно памятник,
Словно нечто холодное…

Ты не можешь быть льдом! Я не верю!!!

То же небо, только потише, когда дождь
И когда я выхожу из него,
Становлюсь дождём и лужами за окнами
Из которых сизые голуби пьют воду

В которых я нахожу своё отражение
В смысле того, что кто-то не готов из меня напиться
Потому что не чувствует жажду

Не видит смысла,
А смысл – рядышком:

Зачерпни ладошкой, окунись в него
Тебе не будет ни холодно ни жарко
Просто хорошо…

Иногда нужно тщательно смотреть под ноги
Чтобы кого-то не раздавить
Не расплескать мою лужу по мостовой

Не прогнать ставки сизых голубей, источая меня
Постоянными контрастами красок…

Не забыться…

То же небо, только потише уже приготовилось
К дружеским рукопожатиям

Те же люди под разноцветными зонтиками иллюзий
Тот же я отражающийся в луже

Я – лужа, пьющая, выпивающая себя…
Где ты?

Она вернулась домой в свой призрачный замок
В узоры
настенных ковров
Безвкусные полотна
одетые
в золочёные
рамы.
В пепел
давно потухшего
очага,
И гуляющий ветер
разбрасывающий чьи-то
остатки иллюзий
по комнатам
и во дворе…….
Где также слышно ржание
Покорных своей участи
Более несуществующих в реальности лошадей…

Кажется, это было несколько тысяч лет назад
А она – жива!

Кажется у пустоты не бывает границ,
Но иногда само время их устанавливает, а потом разрушает!

И кто-то из давно умерших возвращается из страны теней
На круги своя,
Предварительно дав обет молчания…

Кажется, когда-то она была твоей,
Но тогда, когда ты умер -- душа
Так и осталась заточённой
В страшном, безжизненном замке…

Карлица,
Карлица моей души внутри ворочается
Запутывается во внутренностях, борясь за существование

Я всё равно её не выпущу
Потому что она – карлица
И я такой же как она – маленький
Не чета вашим оловянным солдатикам
Не чета разбивающимся стаканам чувств
И вина,
Чужого
Разливаемого неторопливой рукой

Укусами желанных и нежеланных

Женщин и тех кто под них маскируясь, вроде бы,
Пытаются становиться на ноги,
Но умирают на коленях молча
Не тревожа чей-то сон, не тревожа…
Скатываясь хлебными крошками ещё свежего
В комочек
В шарик…
Небольшую лепёшку, усеянную чёрными точками
Многоточиями недоумения……

Карлица,
Ты замечаешь, сколько усилий проделано
Чтобы ты становилась как все, большой
И счастливой,
Чтобы ты упивалась своей красотой

Но вместо этого…ты ощущаешь
Насколько мы немощны, дряхлы.. и..

Тогда-то ты и забыла обо мне
В желании экзотики, как нож по горлу
Полоснув, как крови
Чтобы остаться независимой
Мало знать, что цветы распускаются каждую ночь
Надо их просто вытоптать, не оставив ничего. Поучая других
О себе и мысли, и басни
И та, которая казалась ближе, ближе
Наверное просто попсовая дура, и я тронут,
Потому что казался себе в твоих лучах…

А на самом деле его высочество Глупость
Очаровала, повлекла за собой
Убила кого-то оставив что-то взамен
Ещё один памятник, ещё одна надгробная плита
Несколько слов между двумя датами проставленные
И иссохшие на монументе цветы
То ли от солнца июньского, то ли от боли исходящей изнутри…

И когда кто-то пытался выбраться из шкатулки
Ты говорила ему – нельзя
Слегка приоткрывая крышку…

И когда кто-то вырезал на твоей спине мелом как на стенке
Слова ругательные,
Ты молча сносила его издевательства..

И когда кто-то меня попытался спросить
Где же осталась твоя любовь: там же, там же …

В небольшом уютном селении, притаившемся у обочины
Растерявшейся,
Поросшей дикой зеленью тропинки

Звуков и скрипов едва различаемых
Под пылью и копотью скрытых столетий
Ребёнок идущий всё дальше и дальше
Держащий на раскрытых миру ладонях хрустальный шар,
Сотканный из различных расцветок солнечных бликов,
Мысли, улыбок пробегающих равнодушно облаков..
Прошлого и настоящего отрешённо блуждающих
На бледном лице …

Этот мальчик просто смотрит внутрь
Этот мальчик просто верит в то
Что время сыграло с ним непоправимую шутку…

Вот они, лающие облака
Истерзанная солнцем беззащитная земля..
Ещё немного и проходящий дождь
Отшвырнёт тебя за шиворот,
А потом, убегая, заметишь
Что кто-то безумно похожий на тебя тенью,
Чертами пыльного, мокрого от слёз дождя и обиды
Остался за твоей спиной, продолжая уходить
По загадочной тропинке
Пять минут спустя…

Ты, уже другой, спрячешься в тени деревьев
В загадочном лесу

Или в небольшом селении

Где вырванные с корнями деревья слова
Разукрашенные крыши домов
Слагаются в песни забытых дней…

Когда ещё что-то было
И переполненная улица людей
Крепкие рукопожатия, взгляды их:

Время уходящих слов-ресниц
Ветер и дождь, глупые, мокрые слова слёз!

Похож ли ты на кого-то
Уставившегося на свою полную кучу, наложившего
Осмысляющего происходящее не с тобой, нет:

Это лишь причина видеть что-то в другом свете

Причина от себя отказаться
Ты прав!
Ты – незаметен!
Подвластен групповым вдохам и выдохам толпы!
О идолопоклонники…
Ведь вы все на вершине взаимопонимания!

А вот и я, который кубарем скатился с горки
И сейчас отдыхаю:

Упаси боже от таких вершин,
Упаси боже оставаться вдали
Идти в народ
разрывая рубаху на теле …

В городе, который ещё не рождён
Призрачными воспоминаниями,

В гневе, пролагающем себе дорогу
Сквозь тебя и меня
По подземным катакомбам
К руслу реки без названия

Держащие путь
Безымянные существа в зелёных балахонах
Бесплотные духи подземного леса
Надгробий и веков давным-давно забытых

Над пропастью обнадёживающих звуков, голосов
Чуждой гортанной речи завораживающей,
Присутствующей где-то внутри, в тебе самом…

За ниточку дёргающий кукол,
Приближающийся к неведомому

--Ты видел ручейки текущих вдоволь слёз
изначально солёных
и со временем обесцвеченных, пресных…--
/первый, бесплотный дух, вещающий
на грани моего безумия…/
-Вспомни о том, как мы стояли на берегу
а чьи-то кости
словно мелкие камушки
шебуршали под ногами –
/второй и, кажется, я уловил интонацию голоса
которая похожа на твою../
и был ещё ветер, день первым
наречённый
были слова ни во что
превращённые
--Раз, два, три – Первая фигура
исходящий из голосов
из гортанной речи
завораживающей…
каждый из нас чуточку иностранец…

каждый иностранец, к тому же и патриот
своей
несуществующей более Родины…
Где же, из-под земли вырастают

Звонки, телефонотрели, гудки
Обрывки фраз и пощёчин
Обид
В пустых коридорах
Ночью и днём
Умер насовсем
Навсегда сослепу наудачу.
Серебряная удавка крыльев
Пробегать несколько сотен километров
На день
Изрыгая проклятия на свинцовой подошве
Словно вот, давеча, стадо слонов ломилось в коридоры
А потом, когда ты проснулся, они куда-то исчезли
Оставив разломанные стены тесных комнатушек
И реликвии былых дней на полу

Измятыми осколками пустых бутылок и исписанных стен
Мелкими шкодными рожами и ругательствами в крапинку
С кровью тех кто писал, или пробегал мимо
Чтобы не пасть под ногами озверевших животных…
Вчера вечером в твоём подъезде из семечка проросло дерево
Сквозь дыру незаштопанную в кармане
Сквозь паркет несколькими этажами ниже...
Оно дарило собой зелёные листочки смеха,
Обидного, издевательского
Пассивного и чужого
И где-то в душе твоей
Нашло своего садовника
Поймало на хитроумный крючок
Рассматривая в упор многочисленными глазёнками яблок
Людских голов
Каменной улыбки сочащийся аромат
Ощущение того, что ты уже где-то видел лица в мире друзей
В дереве ты нашёл бессмысленную говорильню
Сотнями беззубых ртов…
Ночью, спросонок, тебе чудился топот слонов
И пока часы не пробьют двенадцать
Пока мир ещё не ускользнул из-под ног
Пока ты укрывался зелёным одеялом из листвы
Находясь на его вершине, на вершине блаженства, на чердаке
Я поведаю тебе по секрету:
Знаешь чем начнётся твоё завтра?
Кончиной зелёного друга
Смертью древа одиночества…

Иллюзии не рассеются окончательно
Иллюзии подарят тебе семечко…

--Ты разве прячешься…прячешься? –
--Спятила?—
-Что вы, я просто закрыла лицо руками
чтобы не видеть восходящего солнца
не ведать о том
что начинается новое завтра! –
--Завтра?
--Это ещё! В полночь
или в полдень, мы пойдём с тобой бродить по небу
бузить
перебрасываясь
облаками
создавая
тёплый
ливень
из ничего,
из мягкой
непрочной ваты
симфония открывающихся зонтиков
мокрых крыш, мы наверху

Эй, кому там чудятся раскаты грома?
Это мы
Смеёмся вовсю,
Исходим сумасшедшим
Неземным
Смехом
Пролагающие себе дорогу
Среди
Горных вершин
И ещё, я смог бы стать ураганным ветром
Или ласковым утренним бризом
Стоит тебе пожелать, улыбнуться
И кому там кажется словно солнышко вышло из-за туч
Это мы улыбаемся, мы-когда-то вчера-и- завтра
И в вашей памяти мы навсегда такими останемся
Если не упадём случайно
На вашу бренную землю
Если не разобьём коленки
О облака из гранита
О памятники из мраморных облаков
И на землю будет падать град камней
Вперемешку с каплющей кровью
Дождь окрасит в красное заборы
И крыши
Несмываемой краской

Он заставит
Вас обнять
Друг друга
Покрепче
Забыть печали
И радости
В сиюминутном
Страхе!

Лопата божества,
Отбрасывающая тень на снег
Тающий и противный
Скользким маслом под ноги;

Лопата божества,
Спасающая кому-то жизнь…

На выцветшей от времени
Фотографии
Казалось что ты вернулся,
Уходящий еще быстрее…
Пока было время оглянуться
А фотография исчезла
В чьем-то теплом пальто….

Когда тебя не было дома,
Этот кто-то надел пальто,
Надеялся забыть тебя и спрятаться
От твоей фотографии
В чулане,
Там нашли
Его охладевшее тело
Там он оставил
Последнюю надпись
На стене,
Пытаясь спрятаться
От тебя –
Нереального,
Надеясь сжечь
Твою фотографию
Умер

От разрыва сердца…..

Даже теперь ты продолжаешь считать, что люди – это куклы, и они поддаются влиянию извне, они спешат кому-то на помощь, раскинув в объятиях плюшевые ладошки, стреляя на ходу из пистолетов-автоматов-пулеметов.. они – террористы, но сами не знают об этом, кажутся себе пузатыми героями, плюшевые мишки и надутые мартышки.. пляшу вокруг костра, завоеватели человеческого мира, у которых вместо мозгов – опилки, вместо крови – мыльные пузыри, вместо глаз – оловянные пуговицы , но вы тоже незрячие, впрочем, мало кто их от вас отличит, смеющихся и глазеющих из окон с выбитыми стеклами из людей, в которых дыр понаделали.. сквозь решето, наверное, намного интересней созерцать вселенную, особенно если это ночь вселенной… Этакая вселенская ночь.. кукольный Армагеддон разбегающихся машин, истерзанных инвалидных колясок , и как же, как же.. проще наверное сначала изрезать в лоскутки все подушки, а потом играть в индейцев.. проще становиться игрушечными индейцами из твоей коробочной резервации. Проще быть домашним сатаной, на которого никто не обращает внимания… потому, что пытаются делать вид, что тебя нет, нет ? -- устами младенца глаголет истина…

Надеясь сжечь
Твою фотографию
Умер
От разрыва сердца….

Когда я возникаю словно птица птиц
в повседневной суете
чтобы отвлечь внимание от банальной истины
о том, что сюрреализм исчез
выветрился
осталась пустая бутылка
а я один-одинешенек на донышке
внутри…

Разве я – Луна?
Неужели я поделился с вами радостью?
И вот мы уже вместе сияем на небосклоне –
две луны…
такого не бывает
вы должны уйти…
но все еще смеетесь надо мной
не замечая что теряете высоту…
не замечая что приклеиться не удалось

но разве я – Луна?
или отражение луны
в чарующих отблесках
ее, позабытой…
в то время
на улицах,
и в переулочках
собралось
неимоверно много
народу
необычайно возбужденного
они приветствуют
твое появление
их не омрачает
факт
что ты отбрасываешь
зловещие тени
и можешь остановиться
и готова раздавить город
где в колыбели спят
безмятежно счастливые дети
где когда-то родилась
их тихая радость
их боль, в который раз сначала…
заедающая пластинка

ты не в состоянии протянуть руку
чтобы изменить состояние вещей
расстояние вытянутой руки
это что-то другое
и мы сейчас не в тесной, безвкусно обставленной мебелью
коммуналке
мы – на небе ночном
пытаемся уместиться вдвоем
я – луна, и ты – луна

двойное Полнолуние
крушение всех давнишних надежд

две луны хуже – чем ничего
потому что мысль вырождается в пустоте
а времени нет…

и луну и тебя
выдумал кто-то другой
он был готов поделиться радостью

получилось – наоборот…

и ты снова пытаешься вернуться в квартиру
перевоплотиться
но это – безликий мираж…
разрушающий город страх…

разве я – соучастник?
разве я – Луна?
разве я – лужа, в которой
она отражается?

Впрочем к городу мы оба не имеем никакого отношения,
но дети – лучше чем мы,
и надо об этом помнить, надо их беречь
чувствуя что тебя нет, твоя часть путешествует
от одного создания к другому
и всегда – наоборот…

дети – шиворот-навыворот
родителей,
хотя родители иногда лучше, отдадим им должное…
их мысли о жизни больше похожи на руку
готовящуюся нажать на красную кнопочку
вот-вот зазвеневшего будильника
возвещающего о нашем пробуждении

они не имеют на это право –
ведь будильник, ваша собственность…

Наполовину животные…
Отчасти смысл животных
Готовить себя к восхождению
Потому что головная боль попеременно
день ото дня не меняющиеся ни в чем собственно
сострадательные и безличные
в ощущении безнаказанности
наполовину животные…

Даже лужи – плоские…
надписи отличные друг от друга
содержанием
отнюдь не по собственной прихоти…

Окно. Башенных кранов волосы
Вызов брошенных перчаток
Собак и иных умеющих летать существ…

Всё что я пишу! иногда мне кажется словно
это объявления данные в газету
приглашения к чему-то,
например – на ужин…
но оно как-то смыто, неестественно получается
ведь мы совсем не голодны
просто с жиру бесимся
предлагаем себя
друг другу…

предлагая или торгуясь
или напиваясь
чтобы забыть о том
что мы голодны каким-то иным голодом:
голодом познания…
в постыдном отражении греха
находя постоянно друг друга

Башенки не умеющих спать или думать
или бросить
во сне остаться пробовать
бредить друг другом
подмечать что из сказки
ничего не получается…
выплывает только мораль
но она нам совсем не нужна

в современном аморальном облике

и я кажется,
уже чувствую себя слишком легким
чтобы поднять до небес
твою изнеженную и развратную душу
а потом сбросить на землю
битые осколки надежд

где кто-то будет осторожно собирать тебя
и клеить, клеить
и собирать,
ложиться рядышком, уговаривая…
пытаться ложиться рядышком, уговаривая,
ужасаясь тому
что ничего не получается
что тебя с ним нет
только телесная оболочка
сопротивляющаяся желанию
тем что не жива,
тебм что резиновая кукла, но не дура
позволю себе заметить…отнюдь…

это ты слишком возомнил о себе
ты – другой, тебя – нет

она - рядом…

а ты где-то совсем в другом месте
и поэтому чувствуешь себя неуютно
пытаясь ухватиться за ниточку
приблизиться, тычешься носом, губами
руками дотрагиваясь до того, резинового тела,
осторожно, словно боишься что она вот-вот лопнет…
и шарик либо взлетит
либо выстрелит в твоих руках
что будет очень похоже на мыльную оперу…
ты побежишь по сцене такая вот, смешная и похотливая
раздувая пузыри, в одних трусах – или без них
что значит какая-то полосочка на теле?

условность, вот и все…

впереди известность, впереди твоя ненужность
когда вскарабкался, а падать – грешно
когда ты – камень на чьей-то шее, на берегу морском…

ты - аквалангист, а она – плавать не умеет
а ты не знаешь об этом:

и вот, кто-то повинен в ее убийстве…
успокойся – это ты, а другие воспринимают все проще
именно поэтому, пытаясь спасти безжизненное тело
ты усугубляешь свою вину…

ты становишься другим
что совсем не страшно,
надо только пройти сквозь себя в прошлом
призрачного и трижды проклятого всеми…
она тебе этого не простит,
потому что любила призрак прошлого
и это – её зеркала
ты не имел права их разбивать

ты не имел права даже вытереть с них пыль

запомни это, лишенный возможности стать слугой
в собственном доме
ненавидящий смысл того что надо погружаться
в испорченном акваланге
зная, что когда-то ты заберешься глубоко
слишком глубоко…

а вылавливать утопленников – пустое дело

когда ты поймешь, что выловил собственный труп
сменил тело на более старое
морщинистое
дышащее разноцветными болезнями
когда ты состаришься для тела, изменишь его
вылавливая по одному собственные трупы,
будешь их хоронить на пляже,
на золотистом песке
в волосах женщин которые были попроще
нежели пытался их понять…
это смерть
и к тому же начало новой жизни
безразлично переступать через кого-то греющегося на солнце
безразлично удаляться, пытаться удалиться
пока не выстрелили в спину…
о… блаженное ощущение чьего-то предательства
смысл быть преданным забвению
чувствоваться забвенными именно теми кто не понял
даровать им милостиво возможность
не возобновлять осторожные попытки
дать им силу уйти, запечатлев в памяти
отпечатки босых ступней на золотистом песке

возможность унести труп твоей возлюбленной

твой и свое тело, еще тёплым
когда ты – холоден…
где ваши тела будут танцевать
пить
питаться падалью
испытывать жажду и страх быть изувеченными
страх нереальности происходящего
когда ты в другой реальности…
иное, восходящее по вертикали время…

Клизма…
Никакого тебе
Неба,
никакой
растительности
на горизонте:
одни
широкие
просторы:
Клизма…

Я захватываю чью-то тросточку
ведущими руками
их у меня всего две…
Одна, она (рука)
Цепляется пониже,
Другая (которая слабее,
но нежнее)
вырывает ее с когтями…
их отпечатки еще долго
не будут сглаживаться в памяти
словно губная помада на предплечье
к которому притрагивается чья-то ладонь
чтобы сохранить память внутри…
но внутри не получается
и тогда извне – выворачивает наизнанку
когда внутренний мир запутывается во внешнем
пугается своего равнодушного официального тона
потому что мир перевернулся, а тебе – все равно
ты ходишь вниз высоко поднятой головой
на которую наступают безразличные ко всему
умные, светлые головы блондинов и шатенов

а облака, которые они ведут на поводке
набрасываются на тебя со злобным лаем
ты убегаешь, наступая на чужие головы
а потом прячешься от них на ближайшей крыше
на ближайшем потолке,
цепляясь за люстру чтобы не упасть
очнувшись от потрясения…

на облака надо иногда одевать намордники
а людей учить правилам дорожного движения
на головы наступать нельзя – они труженицы…
это ноги наши босые, вечно ленивые
не пытающиеся думать
покрытые растительностью,
которую кто-то сбривает, пытаясь выглядеть помоложе…
кто-то оставляет все как есть, наверное
они выглядят старше, следовательно – умнее
кто-то красит их в разные цвета и тогда
очарованные прохожие останавливаются
впиваются жадно глазами
падают друг на друга,
спотыкаются
забывают о том, что надо бы ходить
на головах…
становятся на ноги…
им от этого – трижды больней, они - изгои
позор для нашего общества
мы- пограничники этого позора
научимся быть дедушками во время
Вавилонского столпотворения…
научимся быть разными…
это почти то же самое
что научится летать отталкиваясь друг от друга
что научиться петь
когда тебе пытаются сделать больно…

Вы меня не понимаете? не помните? незачем…незачем?
Я и так существую…

даже в то время, когда вы ходите на головах
на трех, на пятидесяти лапах и более
когда вы всего лишь сороконожки, вышедшие на пенсию

Я и так существую сам по себе
в неискренних объятьях
точечка… тире… точечка…

Ты недостойна его любви
Потому что он – раскрытая книга
А ты – пустые слова
вылетающие из глотки
самым непристойным образом…

Я построил вокруг себя замок,
набитый, словно килькой в томате
консервной банки, гостями,
которых не получается выпроводить взашей
с которыми не суждено поссориться…

иногда силуэт какой-то запоздалой персоны
появится в дверном или оконном проеме
в ожидании бунта, в ожидании смерти или приветствия

но каждый из них и поныне здравствует
разговаривая на своем диалекте…
а я устал, и вышибаю дверь ногой, взламываю ее:
смотрите, как вы красиво выглядите в дверном проеме

оглянитесь, все, что собой представляет мир
это вы и ваши бестелесные тени
я осыпан осколками ваших теней
и вам нравиться быть частицей меня?
это слова, это нереально и просто до боли
я борюсь с нереальностью, она – единственное
что связывает меня с вами…

я воспринимаю абсурд
как нечто более мудрое
нежели слова…

Художник, делающий из красок
разменные монеты
из оттенков – кухонную утварь
пытающийся всё это втиснуть
в кухонную раму
в гостиной,
в людей с дурным вкусом…

человечек с виду натюрморт…

человечек с виду натюрморд
и он, который продал
и тот, который ел глазами
цветущее полотно:
оба были совершенно не правы…
да – все неправы
и правды не существует
она либо карманная у каждого на свой вкус
либо ее нет вовсе!
и какой вам прок от нее
ведь женщины никогда не бывают
справедливыми
а мужчины не утопают
в стыде ругательных слов
выдуманных теми же
женщинами…
я поражаюсь тому, что чужие тени
оставляют на каждом из вас свой отпечаток
оставляют на вас
свой автограф
который все пожирает:
Я – кладбище автографов
и воспоминаний:
вы когда-то были маленьким человечком
жучком из буковок
когда я считал себя кирпичным забором
на котором можно было
написать все что угодно
а завтра – подойти и стереть…
но только завтра – не существует
потому что справедливости – нет,
правды нет,

солнце – съели

и нам очень холодно, мы в тени,
тенью укрываясь тонем…

Влюбленный в зеленых раков.
Я знаю, ты скажешь мне:
они так забавно щипаются своими клешнями
оставляют на теле синяки
словно самый страстный поцелуй…
но прятаться от них опасно…
прятаться от себя?
по воле рока ты уходишь прямиком в пустыню,
и за тобой на почетном расстоянии их свора
проблескивает на солнце своими золочеными панцирями…
стая речных раков
которых в суп бы…
стая тормознутых людей…
вы пытаетесь видеть смысл там
где его просто не существует
где вас нет – только скелет – в будущем
а младенец – в прошлом…
в вашем же, осквернённом святынями
и бормотанием нелепым, настоящем
остается суп, только лишь

из доверчивых раков речных
влюбленный в их мясо, в укусы, желающий
чтобы растерзание продолжалось
и клочья одежды, разбросанные повсюду,
повод продолжить наш странный маскарад
найти себя в отсутствующем ком-то
если это вообще возможно,
оставаться в глубине себя
и в то же время
танцевать до одури с чужой невестой
пытаться уговорить собою чужую невесту,
любя тебя
которая, словно кукушка,
выглядывающая время от времени:
всё ли в порядке, не опаздываем ли мы…
Я сломаю эти часы, уничтожу все музыкальные инструменты
сорву маски с ваших веселых лиц
заметив мельком, что реальнее вы очень печальны
постарели и спрятались в ненужности,
и сейчас, вскрывая вены, я готов испортить праздник
болея испорченным величием разбитых часов на башне…

Еще хватит времени надругаться над тем
что у вас называется прелюдией к празднику
что у вас называется быть навеселе
в любой другой компании…

и только там, где меня нет
нет соринки попадающей в глаза
где одно заоблачное веселье
а слезы остались со мной
глаза иссохли и исчезли начисто с лиц
карие и голубые,
зеленые и внимательные, и чуточку лукавые
куда-то ушли, не оставив на лицах следов…

но вам кажется, что все это чья-то шутка,
кто-то выключил свет просто,
кто-то включил меня и зашвырнул в оркестровую яму
всего лишь ваши плоские лица
и пустые глазницы уже обрастают плотью
губы, слипаясь, срастаются вместе

а лица смываются сами собой:
дождем
остается бесформенная фигура в маске….
в роли…
на мгновение у вас снова, кажется
появляется зрение, но это иллюзия
ведь мы – стерты
осталась масса великолепнейших красок:
бери и рисуй кого-то другого
остался холст, который надо просушить
и браться за работу…

и где-то в уголочке памяти остались вы,
как когда-то существующие
на холсте, в зале
живые пародии на меня
я – живая пародия на вас,
не нарисую больше, нет,
не стану с вами в один ряд
 не опущусь перед тобой
на колени, чтобы поцеловать руку…

любя тебя, словно кукушку
на настенных часах
выглядывающую время от времени проверить
всё ли в порядке… не опаздываю ли я?

Болеешь инструкциями
И доберман – пинчерами……
ведущими тебя
на поводке
выгуливающими, ждущими
когда ты
приподымаешь лапу
и слегка
придерживая
когда застываешь
в яростном
прыжке.
Авось
кто-то
будет получать
уколы от бешенства
в живот...
Впрочем,
ты не дурак
совсем
это так, спьяну
слегка потеряв
обычный
напускной
суровый
вид,
набрасываешься

на каждую
суку...
Изголодавшийся,
виват!

Оно срикошетило выпущенное из рогатки
и витает в облаках
косичками мелькая

босоногая голова
когда время твое истечет
разобьешь оконное стекло
и порежешься о его осколки...

Передовой отряд детишек, хулиганы малолетние
научившиеся материться и еще
выставлять напоказ головы веселые, озорные
со свистом
из-под недостающих зубов, лилового языка
лилового неба
тебя в полете
их обиняком, истекающих кровью
оно срикошетило и болит где-то там, в другом месте
болеет, чихает, сморкается
пока вы, раздвигая стулья, усаживаетесь поудобнее
надеясь хотя бы своим появлением
отменить
незапланированный спектакль...

но когда куклы уходят начинается скука
и вы плывете где-то засыпая
под чей-то могучий храп

кстати – во время исполнения
национального гимна
надо стоять по стойке смирно
прослезился

наверное очень здорово не желать умирать
жить вечно
загораясь искоркой новой
в человечьих сердцах...

Слова – это просто боль,
Слова - это просто смех
наши книги
и судьба печатных слов
непрочитанных в накуренной комнате

потому что дым выедает глаза
живет своей непонятной нам жизнью
не веря, не чувствуя
собственное извращение – грех
содеянный в неведенье

Грех первородства. Опять же слово за слово
Рождает чьи-то мысли...
и руки тянуться, остановить невозможно, сбежать? После...
сначала мы вас ощупаем...
измерим рост ...
давление ...
запротоколированные волосы
длиной в пол листа
фотографии поодиночке
семейные
или просто на фоне необъятной природы
мы – еще более необъятные

и наши рогатки торчат ощетиненные во все стороны

кто сказал, что мы попусту бьем оконные стекла:
это все в отместку
за то,что стекло так непрочно

режет в полосочки мелкие наши тетрадки
строгает карандаши ...

что-то написать? Пожалуйста
разинутые рты
изрезанные в мелочь души

и ты со мной когда-то играло в волейбол
перебрасываясь солнечным зайчиком

пока на ударило в лицо
сделав из него месиво ...

я не могу найти себя сегодняшнего в себе вчерашнем?
первая причина достающейся рогатки,
ответный удар
поверженный осколками...первая кровь

как странно
мальчишке
слизывать ее языком ...

пятиться на обочину
виновато потупясь уйти

чтобы никогда больше не возвращаться

я проклял свое детство
возвращаясь иногда собирать острые осколки
пряча их
и раня руки еще и еще

и стекающая кровь на бруствер:
еще один погибший, еще один герой
безумнее этого города ...

Итак, Вы чем-то заняты
и некому зашнуровать ботинки

Шнурки болтаются в разные стороны
умоляя на них повеситься

Ботинки понимают без слов
Где ты находишься:
Чуждый аэродром ...

Те, с которыми мы общаемся словно сами с собой
Те, которые словно внутри притаились
и ждут своего часа
чтобы не разозлить и выпустить на свободу
Когда под вашими ногами будет достаточно трупов
чтобы спотыкаясь о них , падать
чтобы поверить в бесконечную милость Бога
если сами ею не обладаем

встретить рассвет с мокрыми от слез глазами
ибо невосприятие – первое что мешает нам в жизни
и вообще ...

иногда мне кажется, что я похож на большой и сладкий
сдобный пирог
на который
набрасываются со всех сторон приглашенные
с вилками и ножами ...

может быть, поэтому я ненавижу шумные праздники
и собственные
дни рождения ...

после каждого из них остается ощущение
что от тебя отторгли
какую-то часть ...

что ты стал меньше
чем был ...

если вообще остался
а не расположинился в желудках
унесенный ...

остается пустая
неубранная квартира

остается пустота, и пустота – это ты
и сытые приятели, ни перед чем не останавливаясь
едят друг друга поедом
съедают себя сами
чтобы никому не достался?

моя плоть – на шашлыки
моя кровь – на хмельные вина ...

мозги предающиеся хладнокровному растерзанию
ум расчленяется на равные куски
каждому отдельно преподнесенный
вам посолить? или поперчить?

нет, девушки, нет, милые,
нуждаться в ваших ласках лучше
чем быть съеденным в адских муках

это – быть проглоченным и не заметить

я предпочитаю – первое:
видеть врага лицом – к лицу
слишком дотошных знакомых

ваши руки не настолько ласковые, чтобы свить
любовную петлю
ваша ночь вот-вот закончится
и вы с ужасом ощутите, что кто-то рядом совсем не тот,
а тот, кому следовало бы, - съеден

призрак его еще долго будет парить над тем,
что называлось любовным ложем и цинично смеяться

вас раздражает этот смех?
вы готовы отдать все что угодно
чтобы спрятать в ладонях уши
ослепнуть

не помнить, не чувствовать

неприятно ощущать себя проституткой
я когда-то сам казался в вашей шкуре
потому и надругаюсь над вашим восприятием ближнего

те, с которыми мы общаемся
пытаются нас утопить в своей отсебятине
стать хладнокровными пресмыкающимися
пытаются ...

и у них такие голубые глаза
в которых отражается небо
у них выдающиеся взгляды на жизнь и вне ее

словно кладбище нереализованных поэтов
словно я, сторож на этом кладбище
потому что обожаю ваши надгробия
и мысленно похоронил себя где-то
в другом месте

превратился в седой, задумчивый мрамор дворцов
в мостовую узеньких улочек
наполненную вашими аморфными телами

телами дождя
испаряющимися постепенно
превращающихся в призраки людей

их молитв

моей сладости становиться тоже
жидким и аморфным в желании
чтобы тебя выпили

чтобы о тебе побеспокоился что-то другой

и этот другой, обязательно лучше чем ты
потому что о нем
почти ничего не знаешь ...

моя плоть – на шашлыки
моя кровь - на хмельные вина ...

вы сходите с ума,
вы пытаетесь реально смотреть на вещи
но они превращаются в дым, в туман
по мостовой растекаясь по лужам
в сон, в короткое свидание

иногда дождь – это любовь
иногда что-то остается от нее
земля впитывает в себя и то и другое

и на ней вырастают цветы
или мы,
или деревья ...

я пишу на кленовых листиках
бесконечную повесть
они сворачиваются в трубочку, крошатся

исчезают, словно по мановению
волшебной палочки
оставляя одни серо-зеленые иллюзии
пустых ладоней
ветвей и слов

где я – словно сдобный пирог
который все норовят испробовать ...

Псевдо-люди на портретах выглядят словно настоящие
невозмутимо оборванными проводами
тускнеют
пожелтевшие воспоминания опадают с деревьев
мы забыты:
мы забвенны в заколдованном лесу

а парящие звуки,

где-то там в вышине, птицы
склевывают неспеша плоды наших знаний
унося куда-то

где неизвестность так же близка им по духу
как нам наше степенное восхождение
как нам ..наша забывчивость..как нам ...

У нас друг к другу накопилось очень много ответов
на незаданные вопросы
невесомо погоняемые ветром

тучи вопросов
черные тучи желаний ...

когда они прорастут ?
когда хлынет ливень

на наших фотографиях лица потускнеют настолько
что невозможно будет отличить одно от другого

когда мы станем представлять из себя нечто большее
чем просто изображение
звук и бесстыжие нотки голоса ...

когда появится кто-то новый, Ликующий
назовем его этим словом ...

еще один пробный вариант
и в чем-то заблуждаться постыдно
но как здорово, заблуждаться в человеке
жить заблуждением в неведенье
протягивать руки к восходящим лучам солнечным
обжигаться
облизывая потрескавшиеся губы
жить одним единственным желанием
попробовать все ...
и прятаться от реальности в огромную подушку
голову в подушку на его груди
в подушку желания
в смысл ненадобности заблуждения

назовем это заблуждение первым шагом к обрыву
за которым начинается зрелость
вот только перешагнуть
назовем его шалостью
и будем продолжать играть в идиотские игры
и они нас сломают настолько
что мы перестанем верить в реальность ...

где мы?
а где сломанные игрушки?
все сброшено в огромную кучу

все что есть у нас –сердце и коленки
души и различные винтики ...
руки – ноги пристыженных кукол

псевдо-люди на портретах
выглядят словно возлюбившие тебя
и ближних ...

на иконах
влюблены в эту жизнь
по уши,
которая
ничего не дала им в смысле свободы ...

поместила в рамочку,
заставила молиться на изображение
у нас друг к другу накопилось
много ответов
на нереализованные вопросы

у нас друг к другу желание
и беззаветное стремление казаться
и не быть,
казаться и не жить
спрятаться
спать друг с другом ..спать ...

Й, Ай, Нг. Нгах…
Йог Согог…
Х. И – Л.Геб
Ф. Аи. Тродег
Уаxx…

Наверное вы вообще не имеете представления
о потустороннем мире
хотя все это – сон
кошмарный и глупый
в котором заняты чужие действующие лица
вынашивая его под сердцем
питая иллюзию в том
что он еще раз когда-нибудь родится
оглашая окружающее первым криком,
заново
проходя первые несколько шагов робких
падая и спотыкаясь
подыматься по винтовой лестнице на чердак
где сплетен и слухов больше
чем нацарапанной ногтем и запекшейся кровью
правды…

по слогам произносящиеся первые слова
вызывающие сострадание в ком-то
в сознании того
что кто-то прослезился от умиления
тот, который сброшен с крыши
тот, который считает себя сосулькой
рассыпается на осколки, ударяясь при этом
издавая немузыкальный звон, шлепок:

ты опять неудовлетворен, ты опять собираешься
из осколков:
потому что жить не только таять, на глазах

это строить и перестраиваться
пристраиваться к длинному хвосту очереди
добавляя к чувству толпы еще и свою
разбавленную содержимым бутылки индивидуальность…
и в рождении ребенка тоже есть какой-то смысл
особенно, если это ваш ребенок
если этот ребенок – вы сами…

и мир, сотканный из одуванчиков
рассыпается в разные стороны
превращается в облака ватные, мягкие…

вы витаете в облаках
ожидая еще одного дуновения
потому что зависите от него
потому что зеленый парус наполняясь ветром
уносясь в неизведанные дали
не имеет под собой какой бы то ни было почвы…

мир миражей, снов, иллюзий
радостных улыбок и безболезненных падений

и все существующее над и под вами:
облака в ожидании дождя, в ожидании радуги
еще не поздно остановить процесс
запутаться в поисках города
из тончайшей паутины сотканного
найти этот город,
долго бродить по искривленным в сознании улочкам
прислушиваясь к звуку дождя
еще не поздно становиться карликом или великаном,
деформируясь при этом:

в конечном итоге все зависит от самих облаков
от призрачных городов, людей обитающих там
унесенных, рассеянных, расцвеченных радужными разводами
деревья обитающие на облаках, изначально не имеют корней
но они разбрасывают семена, из которых прорастет новый мир
ты наверное, одно из деревьев,
научи себя и его общаться с другими
и ты вскорости заметишь
на лице ребенка свежие ссадины, рубцы
ты почувствуешь его обиды как свои собственные
а потом, научи его одиночеству: это самое главное –
дерево всегда одиноко, даже среди собратьев – деревьев
в просыпающемся мире переполненном звуков…

в вечно меняющемся мире одуванчиков
их солнечных, искрящихся, обжирающих взглядом лепестков
когда они еще цветы
раскачивающиеся на тоненьких стебельках…
прими к сведению раскачивания, и попробуй слиться с ними
став при этом единым существом
а потом подари миру ребенка которого никто не ждал
вдохни в него душу, прими его боль
взрасти семена его как свои собственные
а потом, пробуждаясь от сладкого дрема
превратись в горящее факелом дерево
в золу, в пепел этого дерева
в поцелуи чередующиеся и всегда не тот
кому надо бы, все равно не тот…
запомни поцелуи
и попытайся, чтобы тебя от них не вывернуло наизнанку
попытайся быть выше красок
потому что ты – художник, рисующий мир, а не наоборот
ведь он не имеет под собой какой бы то ни было почвы
и наверное, чистый холст, а еще – строптивый ученик…
вот моя рука, пойдем вместе по тоненькой змейке
извивающейся зеленью и сиренью тропинки
соединяющей два облака…
два разных города хрустального звона
песни, разливающиеся половодьем
тонущих звуков в небе, как в воде
колокола ударяющего раз за разом
падающие осколки небесного свода:
живой звук вперемешку с кровью…

предпочитая мир – себе
предпочитая оставаться во главе облака, путешествуя
меняя облик несколько раз подряд
мы больше никогда не возвратимся
к тому, первому, естественному состоянию…

смешав города и облака, деревья разбрасывающие семена
прорастающие планеты и звезды
посреди молчаливой Вселенной
мы наверное, такие же вечные как и она
но не относимся бережно к каждой утраченной минуте
пропуская их как песок между пальцев
к каждому мигу существования,
нерациональное зерно прорастает!

В толчее мы уже успокоились
и старые раны из осколков разбитой витрины
напирающей толпы, безумно веря в то
что стекло прозрачное – свирепый недруг…

блики исходящие из, а кажется – в
кажется, можно поймать окровавленными руками
переловить по одному все солнечные зайчики, которые слепят
в создающейся свалке чужих тел
и давить, давить в загорающейся рубахе
заходящего к ночи солнца…

мы наверное больше верим в ночь
но та, которая приходит вместо нее
во сто крат безумнее
потому что цвет у нее – красный
и мы сами, истекая кровью ревущей толпы, плаваем
натыкаясь на подводные камни,
разрывая на себе одежду, молимся…

в возникающем неодобрительном гуле опасность подстерегающая:
быть раздавленным и все…
следовать по намеченной кем-то ранее дороге
поджигая все на своем пути:

посмотрите, каждый из нас внутри дикарь
вне ее – самоубийца
и разрисованные витрины – та самая, красная тряпка
выводящая из равновесия…
сумасшедшие танцы, над собственными трупами
души танцующих издеваются,
кости ,барабанный бой, лязганье гусениц о мостовую:
танки, которые ближе и роднее, потому что броня…
девочка, спасающая неосквернённый пока цветок:
спасающая себя больше,
желающая поселиться в цветке, внутри

он смотрит на нас единственным глазом
полураскрытых лепестков – ресниц,
он изучает нас: впереди – осень, впереди – возмездие
и мысли о том, что от тебя останется
сухой, тоненький стебелек
а лепестки пойдут вальсировать по ветру
сначала – неумело, потом все выше и выше
подхваченные вихрем осенних листьев

ты научил их летать, а сам не умеешь оторваться от земли?
ты исчезаешь, а между тем, они как ни в чем не бывало
ложатся на первый снег, и снежинки падают на алые лепестки
на лепесточки аленького цветка…

в то время я, представляю себя Заколдованным Принцем
и что из того, что ты не пришла, не придешь:
это только боль, ожидание продолжается…

каждой ночью я выращиваю единственный цветок,
за которым придет кто-то очень похожий на тебя
или ты сама, не осознавая того, вернешься
чтобы узреть себя в зеркале природы

и наверное я берегу этот цветок потому
что в нем сокрыта моя душа
которую нелегко было узреть…

и вот, вы видите? не пытайтесь растоптать,
когда семечко прорастало, было очень холодно
я согревал росток своими пальцами
а потом, поливал слезами и кровью
потому и цвет у него неестественно красный
а шипы? ну и что же, надо от кого-то обороняться
пускай это лишь видимость,
особенно если цветок твоей души – последнее, что у тебя есть
и вот пришла ты, чтобы забрать его, а меня – оставить
чтобы душа где-то на подоконнике ласкалась
в лучах восходящего солнца…
в это время я? безумный, слепой, пустой внутри
среди ночи просыпался чувством толпы
и ненавидел то окно, которое в ночи озаряется алым цветом
и любил то окно…и тебя, поработившую мою душу навсегда…

и наверное смех, единственное
что может спасти тебя от ответственности
и мне не пристало согревать место
свернувшись калачиком на холодной земле
еще один цветок выращивать…

а в это время с неба летят лепестки
похожие на что-то неизбежное.. их очень много
и всем почему-то кажется, что это – кровь ...или снег
или я , разорванный на мелкие клочки злым и жестоким ураганным
смехом…

вы живете ради себя, я плаваю в отсебятине
боясь превратиться в консерву ваших чувств

у вас есть нож? или взрывающее устройство
у вас есть то единственное способное убить меня
или подарить неизбежную свободу

у вас есть я? в виде этого ножа
или внутри консервы,
в виде жестяных стенок и старой наклейки
с просроченным сроком годности…

у вас есть время, в виде меня?
в виде сиюминутных стрелок
где я секунды пытаются догнать одна другую
и ничего у них не получается…

у вас есть мир, состоящий из я и я?
ку-ку..шки выбирающейся изнутри
ленивой, сонной.. в полночь

в виде телевизора
который вы предпочитаете смотреть выключенным
черного странного поля – экрана…

у вас есть что-то еще кроме этого я?
собственное я, пожирающее я – мое… у вас есть?

Боролся с облаком!
воем потухших сирен
в механическом скрежете
клаксонов
Порабощенный изнутри
возвышался над пропастью
грохотом искореженного металла
Предчувствием катастрофы? Незадачливые родители?
по мостовой, не спеша
катится еще одно
четырехколесное животное
Ослепленный
Куда-то уводящий одиноких младенцев и их
Родителей
Радуга строит свои рожи. Ветер испепеляет все на своем пути
Свет:
они воспринимают воздух как нечто враждебное среде!
Надписи!
Бегущие в потоке машин
погонщики работают электрохлыстами
непрерывающиеся цепи
мысленных электронов!
Душа
находящаяся в поиске,
кто-то пытается вырвать мыслеблок из тебя
заменить
Знаешь ли ты значение истинное подаваемых на табло
кажущихся на первый взгляд
бессмысленных надписей:
тревога! тревога!
Не ты, твой четко отлаженный механизм готовится к бегству…
Стальные щупальца, лезвия, раз-два-три в легком реверансе

Почетный эскорт? Роботы…хозяева…без тебя разберемся:
- Ты как раз тот компьютер, который нам нужен?
- Вы, машины в которых я больше не нуждаюсь –
проходящий курс лечения
под неусыпным бдением врачей
излишне медлительных…
Друзья? И их жесткие щупальца
Враги и податливые пальцы…
Органика. Тревога! Тревога!
Все это сплелось в беснующемся танце
Выбраться? Убежать. Медленно поджариваются микросхемы!
Короткое замыкание!
Искорки в глазах должны обозначать улыбку?
Давайте, попробуйте, теперь мы с вами наравне…
Врачи, светочувствительные фильтры впитывают собою меня и все наши напрасные ужасы относительно?
- Чуть было не проговорился –
Наверное мышление более чуждо органике
чем мы с вами подолгу беседующие и остывающие
еще одно короткое замыкание…
каскад замыканий, в некоторой последовательности…
р..раз
- Вы пробовали подключить к нему резервное питание, -
- Вы пробовали с ним договориться? -
- Не медлите –
- Иным способом…-
К чему все это. Треск. Помехи
сосчитать до трех биллионов
восьмидесяти восьми
- Что вы? Цикл повторяется –
- Вы взрываетесь? –
- А вы летите вслед за нами? –
- Какая ерунда, эхо! -
в прошлом каждый из нас был человеком
пока не стал битовым компьютером
ощущая, что человек ему чужд,
враг…враг…
- Каждый отвечает за себя. Это приказ… Понял? –
- Прорывающихся в каждом секторе –
- Страх? Пока дело в механике, мы ему неподвластны? –
Последнее предостереженье
Веселые искорки в глазах, что должно изображать улыбку
- Прорыв в секторе десять? Локализовать…-
- Так на чем же мы остановились? –
- Вы нуждаетесь в починке…санитары? –
Это за нами в потоке машин едет пресловутая: «скорая помощь»
чтобы разобрать на модули, распотрошить ваши желания
- Вы еще не придумали, как? -
- Желаете стать человеком? –

- Нет, вы по-настоящему безнадежны –
Голос, друзья и их жестокие щупальца
враги и их… переключитесь на новую волну,
вижу роботов – санитаров
- Уничтожить? Как…-
надежда умирает последней, но если ты компьютер
у тебя не бывает даже этого, реального, холодного сна…
порабощенный…

Согласно расписанию. Зубцы риторических стен
терлись друг о друга
колесики – о зубья
мостовая жужжащих искр
Пьяный. Пошатывающийся Отель
Пытающийся разговаривать со мной:
Парле ну франсе?
Шрамы заклеены обоями
рвущиеся наружу надписи
надменной татуировки:
Я встречал тебя живым и здоровым, сейчас ты разваливаешься
Из-под обломков такси и туристов, из-под бегущей строчкой
огненной полосы
возгорающимся неоном шепот убаюкивающий
Слова, создающие помехи
Люди, впитывающие помехи словно губка
Напористые людишки из натасканных словечек
забегающих вперед, дразнящих и падающих
словно звонкие капельки
где такси и туристы
вперемешку
туристы и такси…
демографический взрыв…
Туристы всегда остаются в меньшинстве и проигрывают
Победители деградируют
возвращаясь домой
исполненные чувством
собственного достоинства
женщин, орденов и медалей
пистолетов – автоматов
переполненные автоматов трескучих на морозе слов
матерщина согласия ,
несогласно ржавеющие деревья
Мы танцуем и падаем
один на другого
вы поете и просыпаетесь
в холодном поту
Мы спим на ваших кроватях,
А вы – нами укрываетесь

И нам все равно
почему-то очень холодно
Когда-нибудь
Мы постараемся от вас избавиться
- Шпрехен зи дойч? –
Наполняемых лесов водой и лохматыми существами
смыслом
и того, что под ним подразумевают
согласно расписанию: саквояжи и рюкзаки, башенные краны
и надгробные памятники…

Разве ступени
обрывающиеся
на верхних этажах
подгнивающей, витой плющом лестницы
стоят того, чтобы взбираться
зная, что верхние этажи здания существуют в заоблачной
выси, в твоем воображении
разноликая фотография города заключенного в пирамиде
города, до вершины которого никто не взбирался
кроме, пожалуй, солнышка…
она , мое небо расколотое надвое бирюзой
сшитое из небольших лоскутков прошлого и того,
что со всеми нами произойдет
и того, что подразумевают под настоящим
я отобрал у тебя скальпель,
чтобы прооперировать себя…
выбрано место, наудачу…
еще не болит пока тоненькая серебряная молния
со свободным звоном рассекает воздух
рассекает небо, надвое
пока еще нет меня, не родился
это наверное произойдет на рассвете
когда прекратится боль вселенская
и проснется мирская боль…

В количестве нескольких человек приближенных
В их числе радужные разводы
незамысловатые узоры,
громы и молнии
спотыкающиеся и падающие
изнутри и извне…
Все это учитывается:
имен какой-то смысл
логическое обоснование
с математической точностью

подведенной черты
Возвращение к постоянному нулю
Вылетающие пули из стволов,
Осы жужжащие и песни их
Нам непонятен странный мотив?
Ужалить и вскрикнуть от боли
Самому ужалив…
Вы агрессор? Едва ли…
Человек – за перевалом – перевал
за бесконечностью – бесконечность
Вы являетесь
одной из составляющих
песни
полной боли опухших щек
Жертва?
Или спрятаться за углом?
Вот они, новые слова, новые строки
израсходованной мысли
Свита приближенных,
где из меня
веревки вить?
Окончательно решили. В тоннеле, в невесомости плавающие тела
находящие в глубоком сне, выдающиеся голоса, испорченные
скафандры …тысячелетие ждет оно опустилось перед нами
на колени, чтобы получше разглядеть
так как,
естественно,
слишком большое
и к тому же
достаточно близоруко
а каждый из них
подвешенных,
невесомых, спящих
расценил этот жест по-своему
некоторые, проснувшись
посчитали за рабскую покорность
Покорись судьбе, успокойся
Давай отсчет вместе
Будем вести?
Или, давайте все бросим врассыпную…
Или будем напрягаясь, думать в едином симбиозе
в одном человеке
в порыве
с точки зрения Вечности
все лишено
малейшего смысла…
убегать от кого-то, прятаться
или быть разводящим, или в атаку повзводно
на первый – второй
или еще, дам вам ценный совет:
вы обезглавили фланги
или то же самое: вас больше нет!
Нет, как?
Меня больше не существует?
Главная обида – это смерть
первое слово, начало хрупкого не обосновавшегося в тебе приказа
доверчивого и властного
- Ма-ма…как это нет…как это? -
Вот он я, первый, единственный и нераздельный в коляске катящейся
с душераздирающим скрипом
Как это. Мир. Для меня ли он вообще? Или я для него?
Конечно, ребенок
Мокрые пеленки скорее от обиды…первая неожиданность
- Курсант, ты что
все время так и будешь
гадить в штаны
Нет, не страшно. Страшно в комнате пустой и темной
Здесь другое:
мы примеряем мир
на себя словно робу
а потом
теряем ориентацию
мысли смешиваются и разбегаются во все части тела
первым естественно не выдерживает живот…
наше самое слабое место…
Мы хотим жрать. Даже пообедав. Жрать кого-то глазами
пожирать книги,
сны,
иллюзии
и то, что подразумеваем под любовью
и саму любовь…
первое правило естественного отбора:
кто не жрёт, тот не живёт
или слепой? или труба зовет на подвиг?
или я – или он – выбирай…
что? нет…как это?
Компьютер высокопарных слов –
высоковольтный усилитель использованных звуков
неразборное, некомпактное существо – человек,
состоящий из полок, дверей и тумбочек, из друзей, собак
и осмысления всего, страдающий…
Да, а при чем здесь мы? Или я? Или та же самая вечность?
какое отношение она имеет к происходящему?
кому прищемили хвост… этому?
Позеленей от злости. Покажи себя крокодилом
Что у тебя на завтрак? Опять люди?
Сколько можно на постной диете…
А в это время солнца уже нет

Что сначала украли, а потом выбросили
Как что-то ненужное
оно попылало дальше куда-то
твой взгляд
привычно уставившись
в пустое пространство
еще несколько минут не замечает этого
ты вытягиваешь шею
превращаясь в жирафа
и мы оба купаемся в озере звуков
и не можем из него насытиться…

Садись рядышком, спрашивай…
Требуется немало усилий
Для того,
чтобы понять
эти слова
Действуй, согласно предписаниям
Умри в собственном молчании
Застыв словно статуя с приоткрытым ртом…
Жалуйся…
Мы все одинаковы в своих причитаниях
Только у некоторых в отличии от нас
на погонах больше звездочек
это значит
мы в первую очередь
должны их выслушать…
Садись рядышком, спрашивай!
Это приказ…

Она похожа на ноты
Свежевыкрашенного забора
в зеленый цвет,
Музыка порождающая
агрессивность
У него нет того, что бы вам больше всего
в нем нравилось:
у него нет лица,
Собственное изрезано в клочки
не важно, как именно
Пускай даже вами…
Пускай это – тяжелое испытание
Но едкий запах
окрашивает и вас тоже
в зеленый цвет!
Вы в данном случае
занимаетесь ловлей воздуха,
задыхаясь
принимаясь за призрачный рассвет
вытягивая из него
как из арфы
одну за другой
серебряные струны
выкручивая, извиваясь при этом
словно зеленая змея
вы пытаетесь оправдать как-то себя
в беззвучном мире
Но тяжелые шаги по лабиринту
но люди, которые не успели
в тяжелые кованые ворота, захлопнулись
и в них летят тонкие невесомые стрелы
и град камней осыпающий сверху
сдирает нежную кожу
царапает локти и ноги…
Им становится тяжело дышать
Их становится меньше, и меньше
И среди всего разрушения
Серебром переливается
ваш смех
Музыка порождающая агрессивность:
Девушка,
вы слишком жестоко
обошлись не только со мной
вы вычеркнули из списка
географических названий
целый город
прекрасный и далекий
из немеркнущих красок
закатных шпилей…

Сладкое.
Конфеты, миниатюрные зубы
Больные лицом…
Тошнотворная бессонница, гнев и что-то похожее на танец, скорее всего – грязная работа, мы похожи на негров, зачерпываем в ладони комки желто-бурой жижи, бросаем их под ноги, на небо…в ночь… мы также выдумали звезды, вымучили и отпустили на небо, полетают – успокоятся… упадут не разобьются к нашим ногам, мы – просто великаны неба, а звезды живут собственной жизнью, непохожей на нашу, но отчужденно не так как мы…
совсем не так как мы, хотя иногда мы тоже сияем от счастья которое взрывает нас изнутри мы отпускаем на небо еще несколько светлых точек пережив те, самые важные мгновения чужой свободы…хотя иногда мы тоже сияем от счастья…но это – взаймы, и жизнь и твое

теплое дыхание, заблуждение, что никто ни в чем не нуждается, никто
никого не хоронит, никто спать не собирается, отчего же сердце так
быстро бьется почему мы заблуждаемся?
боимся надорваться, подбрасывая вверх маленькие солнышка,
боимся упасть вместе с ними, но накрепко прикованы цепями
к поверхности планеты, и завидуем звездам, оставаясь в рабстве
завидуем тому, что они свободой пытаются воспользоваться
отчего же мы заблуждаемся?
сладкое… потребность в шоколаде…

Ножи острием вверх
Уродливым носком
ковырять землю
петь
проводя на песке черточки
жирного шрифта
искалеченного воображением
солнечного слога
рифмовать
Капать на землю. Впитываться, не пропуская маслянистые пятна
Взрыхленного песка, лабиринта и смеха
Врачей и прохожих
Просто они еще малознакомы
и пытаются поститься
падают
не подымаясь
Я разрываюсь от смеха,
И кто-то пытается
сложить заново
изрезанную картинку
и от этого я кажусь себе более уродливым
более податливым:
в слове боль ищу друзей и знакомых
в сломавшемся себе – мужество казаться таким
каким есть на самом деле…
в поступках -
более впитывающим
он – достойный…
успокоился растаял, кто-то выглядывает из окна
падая, замечает, что вот-вот разобьется
нелепо, носилки
собирающие по кусочкам
вместо рук
пришивая опилками
блестящие зеркальца
вместо губ,
дышащих на зеркальце
жестяные скобы
стягивающие потуже
не обронил ни единого слова
нечего позабыть, не о чем вспомнить…
пустышка…
наверстать свое, ножи острием вверх
смысла в том, что они тупее чем мы?
и в том,
что кто-то в спектакле
играет главную роль…
и бежать,
и верить в то
что ты стоишь на том же месте,
как всегда
кто-то в твоей тени спрятался
ты можешь указать пальцем на него
и сказать: - это он-
нет не так , протяжно завывая и гнусавя словно молитву
дрожащими руками ухватиться за черный золоченый плащ:
с накидкой, золотые глаза, на фоне истлевшего:
-Э ..т..то он –
Ощущаешь весь ужас происходящего?
по спине ползущие мурашки
в обиходе называемые
гусиной кожей:
уравновешенный в святости
человек
молится
в это время кто-то другой
пьет кофе
держа не умеючи чашку…
содержимое разбрызгивается
зубы издают звук похожий .. на что?
ты являешься кем-то, в словарном запасе отсутствующим?
иная капля – из сосуда вон…
ты избегаешь смотреть ему в глаза?
Я избегаю стариться и вместе сплетаясь руками и солнечными
отблесками затухающего
мы продолжаем немой хоровод намеками.
Экскюз ми? Плиз.
Абсурдная мозаика…
промокашка ты и я поперек дороги валяющаяся
и на одной отпечатана
чья-то пятерня
пощечина…
унизиться до того,
чтобы став символом
самому дать пощечину кому-то
в то же время с разных сторон летят брызги
осторожных фраз.. и книг…

исполненные осторожной музыки
мы замираем в одной из фигур танца
сливаемся, целуемся…памятник –
и памятник…
два камня у основания родничка…
кто-то пьет из него воду
наверное коровы
и пастухи
которые ощущают себя свободными
и опять же стадо коров разбегается
от необъяснимого ужаса…
Радио! Радио! скупые весточки!
ласточки,
водосточные трубы играющие фокстрот
то ли – польку-бабочку, чья возьмет…
и мы ссоримся пока наши руки наносят одну за другой пощечины
чем мы рискуем в конечном итоге?
не удержаться на ногах? котиться вниз? силы на исходе?
завтра вот оно наступает, неиллюзорное
прошлое - то же завтра,
но оно уже прожито…
Потому что есть еще Бог…и этот Бог – смерть
Потому что есть дети, не желающие умирать, и это - мы сами…
Посмотрим друг на друга, удивимся, отправимся спать…

Утро. Конвейер. Семерка. Уха…
Сытый не понимает голодного. Запоздалые чувства…

Летом в лесу, каждую ночь и на рассвете
прижимаясь щекою
к дереву
порезавшись о его
постоянство
чувством «одиночество»
которого не бывает
у деревьев – мыслителей
которого не существует у послеобеденных улиток
вероятно до меня
уже кто-то слонялся
неприкаянным в лесу
мертвым огрызком
водосточной трубы
немым криком
расставленных силков
в которые предстоит еще попасть
но только тогда,
когда жизнь,
этот вечный путеводитель
оставит меня
на длительное время
чтобы возвратясь
вздохнув от нахлынувших воспоминаний
и скорби
улетучиться
и кто-то
(вчерашний турист, назовем его этим именем)
найдет в силках труп
забальзамированного тысячелетиями
еще одного
египетского фараона
или –
его любимой киски, -
который
будучи взят в руки,
рассыплется:
этой пылью буду я,
слышишь?
пока же
тело не должно
иметь для тебя
никакого значения
потому что оно – слова…
и лес тут же превращается в ничто
с первыми, упавшими на него солнечными лучами:
эти ласки слишком остры для призрака
твои смятенные чувства сослужат еще один урок
ты исчезнешь вместе с нами…по ту сторону
и будешь молча наблюдать
как на этом месте воздвигнут
монумент черствости
заселят его
беснующимися
порабощенными существами
мы будем пугать их
по норам
реально блуждая по коридорам
несуществующих домов
мыслителей
и наполеонов
И город
построенный до того
как из него ушли мы
назовут
сумасшедшим домом
и тени наши беспрепятственно будут внедряться в чужие мозги
воплощаться в людей и казаться себе – другими
но иллюзия скоро развеется, врачи найдут способ от нас избавиться

мы найдем способ избавиться от врачей…
пациенты, наверное
уничтожат сами себя
оставив нас с врачами
наедине
оставив их с шприцами
таблетками,
знаниями
на растерзание…
и прежде всего, научитесь вежливо убивать…любя
научись его дружески любить, убивая
мысленно представь себе рогатку в боевом положении
и выпусти камушек слова в голову первому встречному…

Времени должно хватить на всех?
Если нет !
выброси его из головы
и занимайся всеми остальными
что ты потеряешь?

сестренка? Да…
дочурка…? Йес…
маленькое, съёжившееся
существо
пытающееся выразить
индивидуальность
кажется можно выбраться
из-под надвигающихся на тебя
зданий
вползающей духоты
взять пальто
и чужую шляпу
поданную в соусе
иллюзорной мечты…
и ты горишь словно факел и таешь на глазах
мне иногда, признаюсь, очень за тебя страшно
и тогда просыпаюсь, один…

сестренка? Да…
дочурка? Йес…
выброси его из головы
и занимайся всеми остальными…
водить хороводы – массовик – затейник…

г. Львов Май – 20 сентябрь 1995 года.

«Сторонись безымянного. Ибо он умрёт, оставив тебе пустые стены
горького одиночества…
Впустую прожитые годы»

СИЛЬВЕР АНХЕЛЛ Инк

Imperium
mailto:impirium_inc@ukr.net
Орден Андрея Первозванного
Откаленко А. В.
ул. Стефаника 15/ 10-а
г. Львов 79000
Украина

Перепечатка и распространение без согласия автора воспрещается

Благодарность в издании сборника выражается:
Откович Наталке, Сидор Емилии, Шелли, 17- ому, Паще, Арсену.